

Макаровичкина Евгения

Амазонит

6+

Евгения Макарошкина
Амарант. История жеребенка

«Автор»

2018

Макарочкина Е. В.

Амарант. История жеребенка / Е. В. Макарочкина — «Автор»,
2018

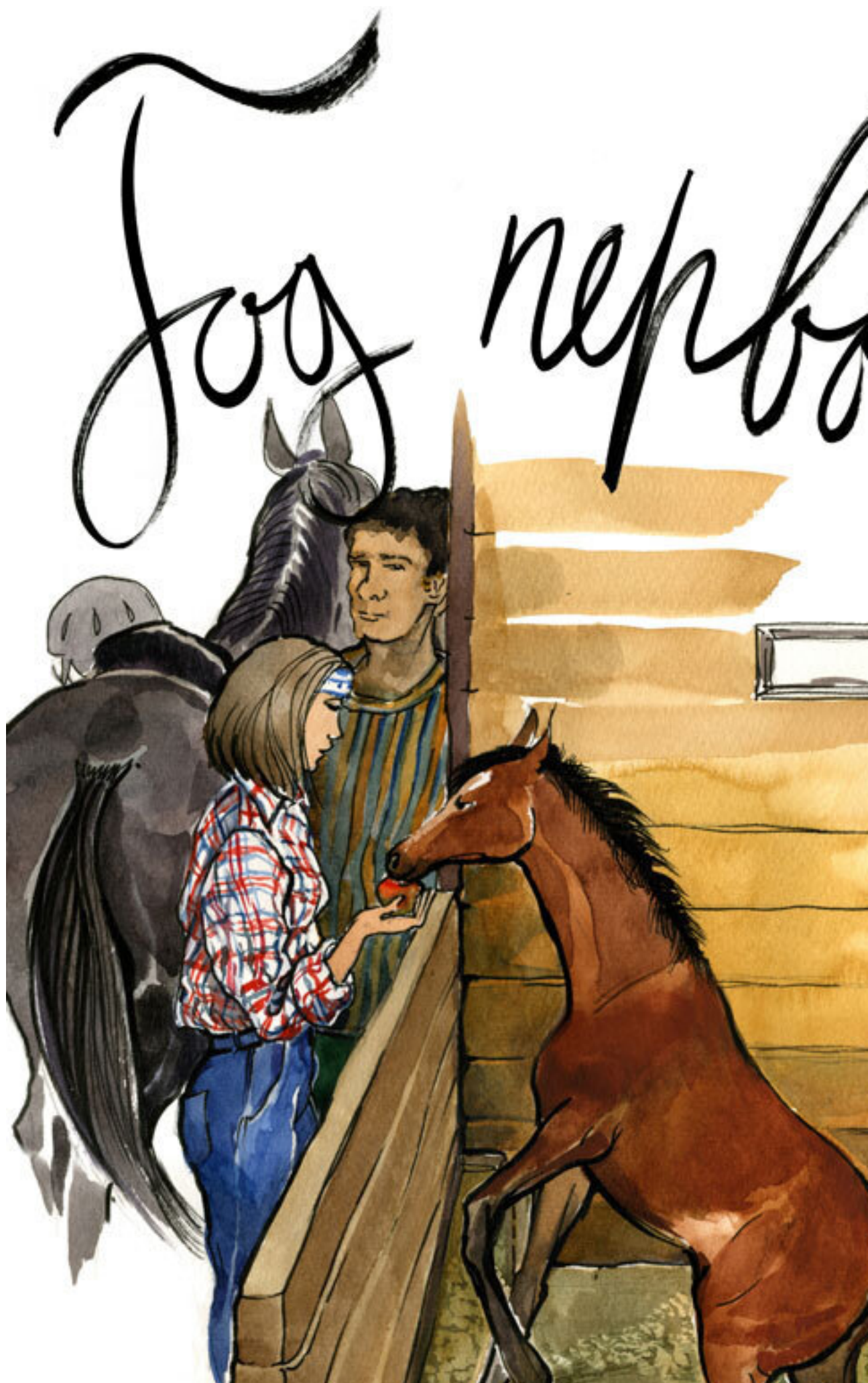
Маленький жеребенок Марик обретает хозяйку и мечтает поскорее вырасти. На пути к мечте его ждут удивительные приключения и повседневные уроки, страшные опасности и веселые игры с друзьями, внушающий ужас ветеринар и заботливая Целительница... Яркий, наполненный удивительными существами мир, который люди перестали замечать.

© Макарочкина Е. В., 2018

© Автор, 2018

Рисунки Антонины Шахиной

Посвящается моим сыновьям, а также всем, чьи карманы хоть раз наполнялись кубиками сахара и кружочками порезанной моркови.

Глава 1, в которой мы знакомимся с Мариком, а Марик знакомится с людьми и учится считать до четырёх

Он стоял в деннике (так называются комнатки в конюшне, где живут лошади) на подушке из крупных, пахнущих свежей смолой стружек. Тут и там были разбросаны клочки сена. Жеребёнок выбирал травинки повкуснее, отбрасывая слишком сухие и жёсткие стебельки. С трёх сторон – глухие высокие стены, а с четвёртой – дверь, верх которой забран решёткой.

В углу – грубая, сколоченная из досок кормушка для сена.

«Видимо, так и придётся проторчать всю жизнь в четырёх стенах», – думал жеребёнок. Единственное развлечение – смотреть на проходящих мимо денника лошадей и людей. Но и это непросто – приходится привставать на задние ноги, опираясь передними на дверь, чтобы хоть что-нибудь увидеть.

Он поковырял опилки ногами. Начал считать шляпки гвоздей в досках, но, как всегда, сбился на третьей. Вздохнул, покружил по деннику и снова принялся ковырять опилки.

Через какое-то время под опилками показался неровный бетонный пол и... вот он, край дырки – глубокой, широкой! Как раз влезла бы одна нога!

Марик (а именно так звали жеребёнка) заметил дыру, когда из неё несколько дней назад вылезла крыса. Она была маленькой, потрёпанной и жутко болтливой. Крыса забиралась в кормушку, подвывая зёрнышки овса, оставшиеся от ужина, и без умолку трещала, пересказывая конюшенные новости. Марик пристраивался рядом на опилках и с удовольствием слушал о том, что приезжала большая машина и привезла много овса, что тюки сена, сложенные за левадой, накрыли большой шуршащей плёнкой, что слишком часто идут дожди и на улице жуткая грязь. Вот из-за неё-то малыша и не выпускают гулять уже много-много дней...

Марик вздохнул. До ужина была ещё пропасть времени, а значит, и до крысы с новостями тоже. Она никогда не приходила днём. Марик стоял над дырой, размышляя, не засунуть ли в неё ногу, чтобы посмотреть, что из этого получится, когда с улицы донеслись громкие голоса, а затем в конюшню, судя по звукам шагов, ввалилась толпа народу. Марик быстро засыпал дырку опилками и в два прыжка оказался у двери, чтобы подняться на ноги и выглянуть в проход. Но он не успел этого сделать – дверь вдруг открылась, и в денник вошли полужнакомые люди (они обычно приезжали к другим лошадям).

Все шумели, махали руками и хохотали. В гвалте голосов слышались поздравления, но, кого и с чем поздравляют, Марик разобрать не смог. Однако, когда несколько раз прозвучало его имя, жеребёнок поднял уши и насторожился. Люди окружили его, стали гладить, обнимать, тереть и почёсывать.

Марик вконец смутился, увернулся от чьих-то рук и попытался выскользнуть в открытую дверь. У самого выхода его поймала, обняв за шею, девушка с синими ногами (Марик знал, что люди умеют менять цвет своей шкуры по желанию).

– Дикий какой! – рассмеялась она. – Не бойся!

Девушка надела на него недоуздок, пристегнула чомбур и направилась к выходу. Марик, недоумевающий, пошёл за ней. Остальные потянулись следом.

В глаза ударил солнечный свет, казавшийся особенно ярким после долгих дней заточения, и жеребёнку пришлось зажмуриться на несколько секунд. Марик судорожно вдохнул воздух. Он был полон влажными запахами елового леса, грибов, хвои, смолы и ещё чего-то лёгкого, неуловимого, ускользающего в ту секунду, когда, казалось бы, начинаешь понимать, что это такое. Марик догадался, что так пахнет осень.

За спиной раздались шаги. Марик обернулся и увидел выходящего из конюшни Тунгуса. Крупный вороной рысак, сморщив ноздри и поджав губы, недобро поглядывал на ведущего его человека в чёрном шлеме. Тот, накинув поводья на руку, не спеша опустил стремяна и подтягивал подпругу.

– Мы в лес, – сказал человек, садясь в седло. – Посмотрим, как этот ребёнок оповожен...

Он слегка тронул Тунгуса, и конь, прижав уши, с неохотой двинулся по тропинке. Синие ноги (так Марик решил называть девушку) отправились следом, чомбур натянулся и не оставил Марику выбора.

Он никогда ещё не ходил гулять вот так, рядом с человеком, если не считать нескольких метров до левады, куда по утрам выводил его на прогулку мрачный, неразговорчивый конюх. Марик украдкой бросил взгляд на почти скрывшуюся за деревьями конюшню и, чуть ускорив шаги, догнал чёрного, как смоль, Тунгуса. Когда они поравнялись, тот слегка склонил свою голову и прошептал:

– Ну, что ж, поздравляю... Тебе выпал счастливый случай стать частной лошастью.

– Частной лошастью?

– Да. Лошади бывают частные... и несчастные. – По губам Тунгуса пробежала слабая улыбка. – Теперь ты принадлежишь человеку, своему хозяину.

– Хозяину? Но я всегда принадлежал сам себе!

– Все лошади принадлежат людям. По крайней мере, люди думают именно так. Но ты, конечно, можешь считать, что ты особенный.

– А люди, они... они какие?

Тунгус на мгновение задумался, а потом нервно дёрнул головой, как от боли.

– Люди разные. Сам увидишь.

Марик покосился на синие ноги, шагающие рядом, на большие зелёные ноги, свисавшие с Тунгуса, и согласился, что да, пожалуй, все разные. Тунгус ехидно ухмыльнулся:

– В одном только они одинаковы – думают, что знают и понимают лошадей.

По поведению мы разделяем их на четыре вида. Люди, которые таскают мешками морковь и яблоки и обожают целовать в нос – Восторженные – уверены, что лошади без ума от людей. На таких можно щёлкать зубами, наступать им на ноги, таскать за одежду и лазить в карманы за сахаром – поверь, именно этого они от нас и ждут. Укусишь такого за бок, а он, обливаясь слезами, потянется в карман за сухариком. Чтобы задобрить, значит. – Тунгус презрительно двинул ушами. Рот Марика наполнился слюной. Он сглотнул.

– А вторые?

– О-о-о! Эти – Целеустремлённые. Люди, которым от тебя что-то надо, причём мнимым выражением любви ты не отделаешься. Целеустремлённые ищут и растят лошадиные таланты. Им нужно, чтобы ты быстрее всех бегал, или выше прыгал, или, скажем, ходил боком – остальное неважно. Цепляются за любой мало-мальский талант и всё время тратят на него. Они настырны, строги, последовательны и всегда добиваются своего. Правда, и хвалят щедро. И сахар тебе, и яблоки с морковкой. Если Восторженные придумывают за тебя твои чувства, то Целеустремлённые, наоборот, часто их не видят.

– А третий?

Марик не мог поверить своему счастью – с ним, почти как с равным, разговаривает Тунгус! Обычно он едва кивал при встрече. Тунгус щёлкнул зубами:

– Лечители! Ничегошеньки им в жизни не надо, только бы лечить! Стоит тебе чуть оцарапаться, ушибить копыто или почесать хвост, как Лечитель короб свой огромный тащит – он аптечкой называется. Притащит, раскроет и давай оттуда таблетки да порошки доставать... – шёпот Тунгуса зловеще звучал в осеннем лесу. – И вот тот бедолага, которому «посчастливилось» заполучить в хозяева Лечителя, уже с ног до головы обмотан бинтами, обмазан мазями, укутан в три попоны и напичкан таблетками. Так и лечат, пока напрочь не залечат! – Тунгус

пожевал губами. – Знал я одного рысака на ипподроме... Давно, лет десять назад. Так у него хозяином Целеустремлённый Лечитель был! Вот уж хуже не придумаешь! Ветеринар к ним, помню, каждую неделю приезжал.

Тунгус содрогнулся и замолчал, погружившись в воспоминания. Марик тихо шёл рядом. «Было бы здорово, – подумал он, – чтобы хозяйка моя была из первого вида. Правда, Тунгус о таких отзывался пренебрежительно, но, если подумать, он вообще всех людей презирает. Вот уже о каких-то жутких ветеринарах заговорил!»

Марик пересчитал виды людей и сбился, ведь он умел считать только до трёх. Попробовал ещё раз и сбился снова. Наконец, ему показалось, что он нашёл выход из положения.

– А последние? – робко спросил Марик.

Тунгус тяжело вздохнул, на секунду утратив весь свой гордый и высокомерный вид:

– Есть ещё Зануды. Они считают, что понимают язык лошадей. Поэтому ведут себя, как главная лошадь в табуне, повторяют наш язык тела и жесты. Зануды убеждены, что воспитание делает лошадь удобной и безопасной для человека. Потому и воспитывают непрерывно. –

Тунгуса даже передёрнуло. – На ногу не наступи, плечом не задень, уж и куснуть мимоходом не дают... – Тунгус скривился. – А провинишься – задом наперёд ходить заставят. Бывает, что и близко к себе не подпустят, если у тебя выражение ушей недостаточно почтительное!

Тунгус на ходу откусил еловую веточку и, прикрыв глаза, с наслаждением её сжевал.

– А морковка с яблоками? – с надеждой спросил Марик.

Тунгус презрительно фыркнул:

– Этого от них не дождёшься! Уж точно не тогда, когда тебя вот так ведут куда-то. В лучшем случае дадут веточку откусить, да и то через раз...

Марик в задумчивости шагал по тропинке. Мыслей в голове было так много, что они, казалось, прыгают и бьются в лоб изнутри. Нужно было себя срочно чем-то занять, и он принялся разглядывать бурые еловые иглы, мягким ковром устилавшие землю. Среди них тут и там попадались старые раскрытые шишки и сморщенные листики, а иногда через дорожку перебегал деловитый муравей, волоча сухую веточку. Муравей был таким маленьким, а ветка – такой огромной, что Марику стало жалко трудягу.

Он ясно представил себя с огромным бревном на спине, на подгибающихся ногах, плетущимся, погоняемым Лечителями и Ветеринарами. Последних Марик почему-то боялся больше всего, хотя почти не представлял себе, какие они. Для страха достаточно было того, что другие лошади, говоря о них, округляли глаза и, озираясь, перешёптывались.

Интересно, какая же всё-таки его хозяйка?

Подняв глаза, Марик с ужасом осознал, что, задумавшись, едва не врезался прямо в хвост Тунгуса. На секунду перед его лицом мелькнул страшный оскал чёрной пасти: уши прижаты, глаза сверкают. Копыто мелькнуло в миллиметре от его носа:

– Никогда! Больше! Так! Не делай!

Голос Тунгуса, казалось, разнёсся по всему лесу. Мысленно съёжившись, Марик пообещал себе, что дальше будет идти с величайшей осторожностью.

Между деревьями появился просвет, и они вышли на дорогу, пересекавшую лес. Прямо посреди дороги разлилась огромная лужа, и Марик готов был поклясться, что из лужи кто-то очень внимательно наблюдал за ним: кто-то весьма опасный и, возможно, злонамеренный. Хотя Тунгус и взглянул на лужу презрительно (Марику показалось, что та даже немного уменьшилась в размерах), он всё же аккуратно обошел её по кромке, стараясь не касаться копытами воды, после чего остановился, поджидая Марика.

Марик замер, опасливо косясь на лужу. Лужа выглядела очень подозрительно. Девушка потянула чомбур, приглашая Марика за собой. И в этот момент жеребёнок догадался, как узнать, кто его хозяйка! Лечителей он отмел сразу, главным образом потому, что ему очень не хотелось узнавать, кто такие Ветеринары. А вот другие виды хозяев его интересовали ещё как, ведь у них водились морковка и яблоки.

Карманы хозяйки были маняще оттопырены и источали душистый яблочный аромат. В животе у Марика немедленно заурчало, и он решил не тянуть с проверкой. План – быстро проскочить мимо лужи на полной скорости – был прост, беспроигрышен и сулил очевидную выгоду. Во-первых, так можно поскорее миновать это подозрительное место. Во-вторых, если хозяйка Восторженная, она непременно восхитится его храбростью и выдаст яблоко. Если же она Целеустремлённая, то сразу заметит, как быстро он сумел промчаться, и без яблока тоже не обойдётся.

Чуть подрагивая от нетерпения, Марик приближался к луже. Он специально немного отстал и теперь шёл за спиной у девушки, косясь на лужу и выжидая момент. Ещё шаг. Ещё. Сейчас! Сжавшись, как пружинка, жеребёнок с силой оттолкнулся ногами и прыгнул вперёд, по пути больно наткнувшись боком на резко выставленный девушкой локоть. Обогнав её, он в несколько скачков одолел расстояние, отделявшее его от Тунгуса, и остановился, предвкушая

награду. Чомбур болтался у его ног. Ещё лучше! Значит, он не только быстрый, но и сильный, раз смог вырвать верёвку из рук человека!

подошла к нему, улыбаясь. Она опустила руку в карман и вытащила громадное, пахнущее на весь лес яблоко. Широко раскрыв рот, она... откусила от него кусок, подняла болтавшуюся верёвку и сказала: – Ну, что ж, малыш, попробуем ещё разок.

Осознание обрушилось на Марика, как поток ледяной воды. Его хозяйка оказалась Занудой! Из того самого вида людей, о котором он совсем забыл, потому что до этого момента умел считать только до трёх.

Зануда подвела жеребёнка обратно к луже, и началось!

Нет, честно говоря, ничего сложного от него не хотели – нужно было лишь спокойно пройти мимо лужи. Но попробуй пройди спокойно, когда лужа такая большая и зловещая! Марик то и дело фыркал от страха и старался проскользнуть мимо лужи как можно скорее. Зануда же требовала идти медленно, нога к ноге и следить за чомбуром, ни в коем случае не натягивая его. А ещё нужно было следить и за Занудой, чтобы не толкнуть её плечом, иначе она пребольно пихалась локтем в ответ.

Наконец, Марик на ватных ногах со скоростью улитки прошёл мимо лужи. Зануда почесала ему лоб и разрешила встать с ней рядом. Марик облизал пересохшие губы. Тунгус оценивающе смотрел на Зануду, но по выражению его лица было сложно сказать, что он думает. Точнее, сложно было сказать, что он думает что-то хорошее. Зануда тем временем подошла поближе к жеребёнку, и Марик подумал было, что она опять потащит его ходить через лужу, но та протянула ему своё яблоко. Оно, хоть и надкушенное, пришлось очень кстати. Потом появилось ещё яблоко. И ещё. Живот перестал урчать, а в голове мелькнула мысль, что Зануды, пожалуй, не такие уж и занудные.

Вернувшись домой, Марик переступил порог денника и удивлённо огляделся. Над старой деревянной кормушкой повесили новую, из странного, не поддающегося зубам материала. Марик попробовал на всякий случай сломать её ногой, но это не удалось. В другом углу воз-

ник большой, поблёскивающий, словно иней, брикет соли. А на полу, на горе вечернего сена лежала сочная, ароматная морковь, вся в капельках воды – видимо, её только что помыли.

После ужина (Марик оставил несколько зёрнышек для крысы) на него навалилась такая усталость, что он даже не поднялся на ноги, когда Зануда забежала попрощаться перед отъездом.

Из дырки в полу вылезла крыса и, удобно расположившись в кормушке, принялась рассказывать Марику последние новости. Тот слушал вполуха, изредка поддакивая или хмыкая. Крыса не заметила равнодушия жеребёнка – её больше заботила судьба крошек от торта и обрезков колбасы, оставшихся в комнате, где жили люди.

Глава 2, в которой Марик узнаёт о конедаях и даже сражается с одним из них

С того дня, как Марик научился считать до четырёх, его жизнь изменилась. Самым приятным было то, что конюх опять начал выводить его гулять в небольшую леваду рядом с конюшней. Компания была скучновата – взрослые лошади да гнедая Лилу, нескладная и угловатая, как все подростки. Она была девчонкой и куда старше Марика, поэтому играть с ней было неинтересно. Обычно Марик бродил по леваде из угла в угол, грыз забор или всматривался в лес. Прислонившись к деревянному столбу ограды, он впадал в странное оцепенение, вглядываясь в хмурую серо-зелёную глубину между замшелыми стволами. В такие моменты жеребёнку казалось, что лес отвечает ему внимательным, изучающим взглядом.

Иногда к привычным звукам леса примешивалось неприятное бурчание машин, привозящих людей. Каждый раз, глядя на эти странные железные штуки, Марик думал о том, что людям, наверное, очень неприятно путешествовать съеденными. Однако те, вылезая на свет, оставались прежними, и малыш решил, что сидеть в желудке у машины, может, и неприятно, но, по крайней мере, безопасно.

Окружавший леваду лес был знаком Марику до мелочей. Гуляя, он успел запомнить каждый сучок, каждый изгиб коры на каждом дереве. Но иногда привычные взгляду пень или коряга вдруг обрастали призрачными, клубящимися над ними чёрными тенями. Тени колыхались в воздухе, вытягивая чёрные лапы-щупальца, из которых сочился почти осязаемый ужас.

Марик долго не решался поделиться своими страхами с остальными лошадьми. Но после того, как ужас возник в одном из стволов совсем рядом с левадой и переполошил весь табун, Марик решительно подошёл к Лилу.

Он почтительно опустил голову, немного почавкал (на языке лошадей чавканье пустым ртом означает, что жеребёнок мал, беззащитен и пришел без дурных намерений) и рассказал ей о своих страхах.

– А-а-а, да, – сказала Лилу, понизив голос. – Это конееды!

– Конееды? А кто они такие?

– Я и сама не знаю точно, а взрослые лошади редко о них говорят. Кроме, пожалуй, Тётушки Бу, – Тётушка Бу была весьма пышной нарядной вороной кобылой, неизменно переживающей по любому поводу. – Думаю, что конееды – это существа, которые пугают лошадей. Они могут появляться, где захотят – в лесу, на плацу, в леваде, конюшне... Никогда заранее не узнаешь, откуда выпрыгнет конеед!

– А почему люди не прогоняют их? Им что, совсем не страшно? Я видел, как спокойно они на этих чудищ смотрят...

– Не на них они смотрят, а сквозь них! Предмет, на котором притаился конеед, они видят, а самого конееда – нет! Вот мы – видим дерево, а на нём – конеед сидит. А люди что? Они только дерево и различают! Ещё смеются над нами, трусами считают, говорят, что мы обыкновенных вещей боимся!

– А конееды едят коней?

– Нет, они едят только наши страхи.

Лилу отошла к забору, чтобы продолжить выгрызть начатый на нём узор, а Марик остался стоять в центре левады. Это место казалось ему самым безопасным из тех, где можно было спокойно подумать.

Вообще-то он не совсем поверил словам Лилу о том, что конееды не едят лошадей. Ведь, если бы они питались страхами, их назвали бы страхоедами? Или едотрахами? А они КОНЕЕды!

Значит, кого-то они всё-таки уже съели, и очень может быть, что не один раз! Как плохо, что люди не могут их видеть! Они бы точно нашли способ от них избавиться.

Ещё, наверное, помогло бы и самому их не бояться... Марик видел, что некоторые взрослые лошади не обращают на конеедов никакого внимания, но ведь эти лошади такие большие и сильные!

Марик снова посмотрел в лес. Он скорее ощущал, чем видел, осеннюю суету его мелких обитателей. Белки резво скакали по ветвям, держа в острых зубах жёлуди или шишки. Целые полчища мышей забегали под прогнивший от старости пол кормовой, чтобы поскорее выхватить из мешков зёрнышки овса и тут же умчаться с ними в свои подземные лабиринты с таинственными кладовыми. Не поддавались суете лишь вороны, которые хрипло и насмешливо каркали, глядя с еловых вершин на кипящую внизу жизнь.

В ближайших зарослях орешника завозился леший, бормоча под нос что-то про уборку, дождь и грибы. Марик зачарованно глядел, как, повинувшись мановению его рук, листья медленно опускались с ветвей на землю. Жеребёнок чуть подался вперёд, желая получше разглядеть лешего, оступился, моргнул, и леший исчез. «Вот всегда он так, – огорчился Марик. – Лешего никогда толком не разглядишь»!

До его слуха долетели шорох шин и тархтение двигателя, запахло бензином и металлом. Марик очнулся, помотал головой и принялся. Хотя машину из-за конюшни было не разглядеть, Марик точно знал, что приехала его Зануда, потому что все машины шумели и пахли по-разному. Заслышав шаги, другие лошади поспешили к воротам, и Марик посторонился, привычно пропуская старших вперёд.

Тем временем Зануда, подойдя к леваде, открыла ворота и двинулась прямо на лошадей. Она умела делать это так внушительно, что начинала казаться очень большой и грозной. Лошади почтительно расступились, пропуская её внутрь. Даже Тунгус нехотя отошёл последним.

Зануда поманила жеребенка, и Марик нерешительно подошёл, охотно съел предложенное яблоко и, горько вздохнув, дал себя погладить. По носу. Марик очень не любил, когда его гладили по носу!

Зануда вывела малыша из левады, привязала его к ближайшему дереву и принялась чистить. Это было довольно приятно, особенно когда Зануда трудилась над его шеей и холкой, но вот возникшее после процедуры непривычное ощущение чистоты слегка обеспокоило Марика. Он встряхнулся, прогоняя его.

Из конюшни вышли Тунгус, Тётушка Бу и Малаген – все в уздечках и с сёдлами на спинах. Тунгус неодобрительно взглянул на вычищенного жеребенка и хмыкнул. Хозяева забрались на спины лошадей, и все отправились в сторону поля. И Зануда за ними! Она тянула Марика за собой, помахивая на ходу чёрной палкой. Марик палку понюхал, немного погрыз и оставил – ничего интересного.

Деревья расступились, открывая небольшое уютное поле, окружённое лесом. Из-под ног выпорхнули Хранители полей – замелькали среди травы полупрозрачные крылышки. Марик опустил голову, любуясь стремительным полётом...

Тунгус и другие лошади неспешно уходили вперёд, но Зануда остановилась и, отступив подальше от Марика, вытянула в сторону руку с зажатой в ней палкой.

Раздался хлопок, и из палки вырвалось что-то огромное, тёмное, похожее на летучую мышь!

Марик присел от неожиданности, но тут же успокоился, узнав зонт – штуку, которую люди надевали на голову во время дождя. Жеребёнок хотел было подойти к зонту поближе, но порыв ветра качнул зонт в руке Зануды, и из него чёрным облаком вырос конеед!

Сердце Марика пропустило несколько ударов, и он замер, боясь шевельнуться. Остальные лошади, издали увидев конееда, тоже напряглись и захрапели. Тётушка Бу даже слегка побледнела (насколько может побледнеть от страха вороная лошадь) и, широко раздув ноздри, начала нервно переступать ногами. Тунгус выглядел спокойнее, но тоже не сводил с конееда настороженного взгляда.

Зануда, рассеянно глядя куда-то вдаль, небрежно помахивала зонтом. Конеед на нем скалился, обнажая мелкие острые зубы, и злобно шипел, пытаясь дотянуться до жеребенка. Красные угольки его глаз ярко светились в густой, распространявшейся от чудовища тьме. На секунду Марик замер от ужаса, а затем резко отпрыгнул в сторону, всей душой желая оказаться как можно дальше от конееда. Однако чем дальше Марик отпрыгивал, тем больше и чернее становился конеед, обволакивая зонт клубящимся облаком. Сердце жеребенка колотилось где-то в горле, не давая дышать.

Конеед снова зашипел, протягивая к малышу скользкие щупальца, с которых на землю падали чёрные капли страха.

Не спуская с конееда глаз, Марик отскочил и налетел на выставленный Занудой локоть. Боль в рёбрах заставила его на секунду забыть об ужасе. До него, как сквозь туман, донеслись

слова Тётушки Бу о том, что волнение обязательно скажется на её пышных формах, и она будет выглядеть, как какая-нибудь скаковая селёдка.

Тётушку Бу, нервничая, грациозно перебирала своими точёными ножками, стараясь встать так, чтобы между ней и конеедом поскорее оказался Тунгус.

Тунгус, не выпуская конееду из виду, бурчал сквозь зубы, что формы Тётушки не испортит даже месячная голодовка. «С такими формами, – ёрничал он, – прятаться от конеедов надо не за тунгусами, а за слонами, а ещё лучше – за слоновьим стадом!»

Задохнувшись от возмущения, Тётушка Бу всё же покраснела (насколько может покраснеть от обиды вороная лошадь), но попыток спрятаться за Тунгусом не прекратила.

– Зануда уверена, что ты боишься зонта, – усмехнулся Тунгус, перехватив взгляд Марика. – Конееда-то она не видит.

Марик едва успел отскочить в сторону, чтобы не коснуться чудища, продолжавшего жутко раскачиваться рядом с безмятежной Занудой.

– Тогда почему она не уберёт этот зонт, если видит, что я его боюсь?!

– Потому что это Зануда, – терпеливо объяснил Тунгус. – Она уверена, что, спрячь она зонт, ты будешь пугаться его снова и снова. А если тебе как следует объяснить, что он не страшный, то ты навсегда перестанешь бояться зонтов.

Марик скрипнул зубами от отчаяния.

Распухший и отяжелевший от съеденного страха, конеед заколыхался на зонте, пытаясь дотянуться до жеребенка, и Марику понадобилась вся его ловкость, чтобы оставаться на безопасном расстоянии.

Прыжок влево, замереть, сжаться пружинкой и снова влево! Два шага назад, на длину верёвки, затем резко вправо и тут же назад! Марик так увлекся восхитительно-опасной игрой, что не сразу заметил, как конеед начал исчезать. Прыжок, ещё прыжок, остановка, чтобы проверить... Да! Конеед медленно втягивал свои щупальца!

Почувствовав прилив уверенности, Марик сделал крошечный выпад в сторону конееда. Тот настороженно замер. Марик нервно облизнулся, а конеед вдруг обмяк и... множеством чёрных капель стёк по ручке зонта на землю.

Что же произошло? Неужели можно напугать сам страх?!

Марик задумался, опустив голову. Ответ был где-то рядом, крутился в голове, но ускользал, стоило только зацепиться за него мыслью. Марик нахмурился от напряжения, пытаясь не дать ответу уйти. Когда он снова поднял голову, то не сразу понял, что конеед исчез. Перед ним снова был обыкновенный зонт – огромный, чёрный, но вполне безопасный.

Зануда помахала зонтом вокруг, потом прямо перед Мариком и в конце даже положила его ему на спину. Зачем она это делала? Зачем ей вообще потребовался зонт? Марик не понимал – дождя не было и не будет ещё пару дней (он знал это по запаху воздуха)...

– Ушёл? – Тётушка Бу, часто дыша, осторожно выглянула из-за Тунгуса. – А ты молодец, малыш, храбро сражался!

– А куда он делся?

– Конееды уходят, унося с собой наш страх. – Тётушка Бу часто захлопала ресницами. – Им нужен не ты, а твой страх. Едят они его. Без страха ты им неинтересен.

– А куда они уходят?

– Никто не знает. Наверное, прячутся где-то. А как опять проголодаются – выходят на охоту, нас пугать... Люди не знают о конеедах – машут, машут перед нашими носами своим мусором! То блестящим! То гремящим! То по-ли-э-ти-ле-но-вым! Думают, что это заставит нас потерять бдительность! Как будто нам жизнь не дорога...

Марику представилась Зануда, яростно размахивающая жестяным ведром, в котором громыхали морковь и яблоки. Он улыбнулся. Такое ведро – это тебе не зонт с конеедом.

Тётушка Бу, повинувшись просьбе хозяйки, побежала по краю поля, высоко поднимая ноги, видимо, опасаясь затаившегося конеода. Остальные порысили за ней.

Зануда с видом победителя торжественно спрятала зонт и, отстегнув чомбур, отпустила жеребёнка. Марик тут же помчался за лошадыми, подскакивая, как мячик (он считал, что когда так двигается, выглядит очень серьёзным и значительным).

У Марика была любимая игра: на всем скаку проскочить перед носом бегущей под всадником лошади, затем быстро-быстро развернуться и удрать. О, как это было весело! Когда кони рысили под седлом, хозяева не позволяли им преследовать Марика, не говоря уже о том, чтобы дать ему тумака копытом. Радость от безнаказанного озорства кружила голову, превращая игру в настоящее приключение.

Сделав два круга по полю, лошади направились в лес, тот самый, через который проходила дорога в таинственные дальние поля, где Марик никогда не был. Но Марику, как обычно, пришлось остаться с Занудой. Она, правда, больше не занудствовала, а сидела на траве, наблюдая, как он пасётся. Жеребёнок высматривал трилистники клевера, искоса наблюдая за крошечными Хранителями полей, резвящимися в сочных зелёных стеблях.

– Смотри, что ешь! Это же лютики! Лю-ти-ки! – звенели Хранители своими хрустальными голосками. – Они ядовиты для лошадей, мы же сто раз объясняли! Опять забыл?

Марик, набивший полный рот лютиков, начал, извиняясь, отплёвываться.

Хранители захихикали. Они знали о травах всё и объясняли лошадям, какие полезны или даже лечебны, какие ядовиты, какие нужно есть весной или осенью, а ещё, как сейчас, спасали несмышлёных жеребят от отравления.

Слушая вечерние разговоры лошадей на конюшне, Марик узнал, что встречались те, кто пренебрегал советами Хранителей. И судьба их была незавидна – у несчастных начинали болеть животы, глаза, а то и копыта! И (тут уж всем известно) – заболел? Жди Ветеринара! А от Ветеринара спасенья нет...

Марик принялся лихорадочно перебирать в уме вредные для лошадей растения: лютик, люпин, люцерна, ламинария... хотя нет. Люцерна и ламинария, кажется, были полезными. Но переспросить он не решился – не хотел снова слушать хихиканье Хранителей.

Тем временем Зануда посмотрела на небо и засобиралась, решив, что будет дождь. Ошиблась, конечно! Даже конюшенные мыши знали, что дождя точно не будет ещё пару дней. Но спорить с ней было бесполезно, поэтому пришлось послушно идти в конюшню, навстречу ароматам предстоящего ужина.

Глава 3, коротенькая, в которой Марик скачет под дождём

Марик стоял в леваде в сторонке от табуна и смотрел на небо. Тяжёлые тучи, казалось, из последних сил сдерживали ледяной поток, готовый обрушиться на землю в любую секунду. Северный ветер пронизывал каждую клеточку тела.

– Наконец-то! Давно пора! И что только волынку тянули? Непонятно! – Леший с кряхтением влез на старый еловый пенёк, торчавший на опушке, и ткнул узловатым пальцем в небо. – Зима на носу, а они ещё с осенью не простились!

Марик оторвался от неба и подошёл к ограде.

– Кто – они? – робко спросил он.

– А-а-а-а, малыш, должно быть, это твоя первая осень? – Леший, взглянув на жеребёнка, улыбнулся в кустистую бороду. – Ну, тогда гляди, да повнимательней! Тебе понравится!

Тучи опускались всё ниже, закручиваясь в тугие тёмно-серые спирали и превращаясь в призрачные горы и пропасти. Ветер рвал их, швырял ключьями гор в обрывки пропастей, создавая прекрасные и грозные пейзажи. Он гудел в чаще, срывал с деревьев последние бурые листья, завывал в трубах печей, лязгал железными засовами на дверях, трепал занавески на окнах... и вдруг стих. Это случилось так внезапно, что в ушах зазвенело от обрушившейся на мир тишины. Лес настороженно замер.

В тяжёлый, налитый свинцом и угрозой небесный пейзаж ворвались кони. Словно сотканые из плотного тумана, с пышными клубящимися гривами, со зловещим оскалом пастей, они храпели, вставали на дыбы, топтали копытами облака в безумной, отчаянной, невыразимо прекрасной скачке.

Донеслось протяжное ржанье. Ветер, снова вырвавшись из незримых оков, бушевал с удвоенной силой.

Волна безудержной радости захлестнула жеребёнка. Встав на дыбы, он резко развернулся и побежал, стремясь влиться в беснующийся, восторженный, ликующий табун. Он нёсся вместе со всеми, не слыша ничего, кроме гулкой дроби копыт, чувствуя, что каждую мысль, каждое движение другой лошади он воспринимает как свои. Каждый удар копыта о землю, каждая рвущаяся на ветру прядь гривы, стук сердца, ржание, храп, вскинутые головы, вспыхивающие стальным блеском глаза – всё так смешалось, что он уже не понимал, где кончается он и начинаются другие лошади.

И вот хлынул ливень. Ледяные потоки воды с грохотом обрушились на землю, превратив тропинки в ручейки, а лужи в озёра.

Наваждение схлынуло так же внезапно, как и пришло. Ветер с дождём хлестали Марика тугими струями по разгорячённым бокам, но это казалось приятным. Он снова посмотрел на небо, но небесные лошади уже скрылись.

– Дождь! Дождь! Скорее, заводи!

К леваде спешил промокший насквозь конюх с верёвками в руке, чтобы развести лошадей по денникам.

Глава 4, в которой Марик наблюдает великолепную актёрскую игру, которая приводит к страшным последствиям, но Марику в самый последний момент удаётся их избежать

С каждым днём становилось всё холоднее. Чтобы не мёрзнуть, Марик отрастил себе пушистую шубку, но напрасно – гулять его не выпускали. Земля в леваде замёрзла чудовищными колдобинами, ходить по которым было невозможно.

Марик, впрочем, предпочёл бы ходить по колдобинам, а не торчать сутками в деннике, где заняться было решительно нечем. От скуки он пересчитывал стены – их всегда было четыре, а брёвен, из которых они были сложены, – четыре раза по четыре и ещё два. По-прежнему забегала крыса со своими новостями о крошках, корочках сыра и обрезках колбасы, иногда приезжала Зануда и водила его гулять в поле.

Лешего жеребёнок больше не видел, небесные лошади тоже не появлялись, даже Хранители полей куда-то попрятались, но гулять Марику всё равно нравилось. Можно было высоко подпрыгивать или прятаться в лесу за деревьями и даже бегать наперегонки со своей тенью и Тунгусом (правда, Тунгус не догадывался, что кто-то бежит с ним наперегонки).

Иногда Зануда приводила его на плац, где отпускала побегать, а потом приставала со своими занудностями: то голову в разные стороны поворачивай, то стой на месте, пока чомбур на земле лежит, то вбок ходи задними ногами... Марик не жаловался: как-никак, это было веселее, чем уныло стоять взаперти.

Иногда с Занудой приезжал человек – «зелёные ноги». Марик прозвал его Кормильцем, потому что тот всегда привозил с собой сахарные сухарики, морковку, яблочки и печенье. Кормилец тоже иногда что-то просил, но совсем не занудно и после первой же выполненной просьбы отдавал Марику все привезённые лакомства.

Поблизости запыхтел автомобиль. Прошуршали колеса по гравии, двигатель смолк и послышались знакомые шаги Зануды и Кормильца.

Зануда, однако, не сразу вошла в конюшню, а задержалась у пристройки, в которой хранился овёс. Она говорила конюху о какой-то подкормке, но Марик не знал, что это такое.

После недолгой чистки (Зануда чистила Марика, а Кормилец – Тунгуса) они вместе вышли в лес.

Мёрзлые комочки земли разваливались под копытами, а крошечные покрытые льдом лужицы, если в них наступить, приятно похрустывали. Изумрудно-прозрачная, тронутая морозцем трава серебрилась инеем. В лесу было непривычно тихо и пусто без его многочисленных мелких обитателей – они уже уютно устроились в своих укрытиях, погрузившись в зимний сон.

Зануда свернула по тропинке вправо, а значит, прощай, прогулка в полях, и здравствуй, плац с зубрёжкой! Тунгус чуть слышно ругнулся сквозь зубы, а Марик подумал, что он мог бы и раньше догадаться – Тунгус-то был без седла! А без седла Кормилец никогда в поля не ездит!

Они вышли на небольшую полянку, окружённую высокими древними елями. Под низкими тяжёлыми ветвями весело петляли тропинки, словно приглашая распутать их прихотливый узор. На полянке, чуть вдаваясь в лес, и находился плац.

Открыв ворота, Зануда отпустила Марика, и тот помчался вдоль ограды так быстро, как только мог. Из-под копыт колючками разлетались мелкие камушки и подмёрзший песок.

Кормилец встал в центре плаца и легонько пошевелил бичом. Тунгус вздохнул, уныло отошёл от него на длину корды и побежал направо. Лицо у него было злое и недовольное. Марик знал, что он терпеть не может бегать на корде.

– Глупое, бессмысленное, унижительное занятие, – шипел Тунгус сквозь зубы, – отвратительное, бестолковое, нудное и унылое! Нашли себе карусельную лошадку...

В его глазах вспыхнул и тотчас же погас огонёк, не обещавший Кормильцу ничего хорошего. Пробежав ещё два круга, Тунгус начал припадать на правую ногу. Лицо его было каменным, но вот блеск в глазах...

– Он хромает! Стой!

Марик готов был поспорить на свой ужин, что заметил мелькнувшую на лице Тунгуса усмешку, но доля секунды, и оно вновь стало непроницаемым.

Кормилец, взглядываясь в ноги Тунгуса, развернул его в другую сторону. Тунгус побежал налево, припадая на левую ногу. Конь уже не скрывал своего надменного торжества.

Кормилец снова остановил его, подошёл ближе, и они вместе с Занудой принялись ощупывать хитрецу ноги. Тунгус откровенно ликовал. Марик восторженно смотрел на разыгрываемое представление и прикидывал, станет ли и он когда-нибудь таким же мудрым и изобретательным, как Тунгус. А тот время от времени болезненно морщился и резко выдёргивал ногу из человеческих рук.

– Похоже, не стоит ему сегодня рысить, – пробормотал вполголоса Кормилец.

Тунгус, едва глядя на людей, снисходительно кивнул.

Кормилец с Занудой отвлеклись от лошадей и о чём-то оживлённо заговорили. До слуха Марика долетело слово «ветеринар», и он насторожился, а Тунгус опасливо повёл в их сторону ухом...

– Да, думаю, стоит вызывать. Всё равно собирались... Если он жалуется на обе ноги...

– Не-е-е-ет!!! – Глаза Тунгуса расширились от ужаса, дрожь пробежала по телу, и он в один миг растерял всю свою надменность. – Только не это! Ничего у меня не болит!

Тунгус сорвался с места и, стараясь поднимать передние ноги красивее и выше обычного, пробежал несколько кругов ровной широкой рысью.

– Стой! – Кормилец натянул корду. – Тебе нельзя бегать!!

Тунгус в прыжке развернулся и помчался галопом в другую сторону, отчаянно пытаясь доказать здоровье своих ног. Войдя в слишком крутой поворот, он оступился, споткнулся и чуть не упал, но в последний момент сумел выровняться.

Мрачнее тучи, конь остановился и отошёл в сторону, уставившись в лес. Вместе с паром от его спины как будто поднимались, взывая к небу, волны чёрного негодования. Фыркнув, он мотнул головой и проворчал: «Может, забудут...», правда, без особой уверенности в голосе.

Жеребёнок старался изо всех сил, чтобы и к нему ветеринара не вызвали. Даже когда Зануда легонько потянула его за хвост, Марик послушно сделал шаг назад, несмотря на то, что больше всего ему хотелось прыгнуть вперёд.

Вечером, когда принесли ужин, Марик в испуге отскочил от кормушки – поверх овса разливалось липкое, неаппетитного вида жёлто-коричневое пятно Занудиной подкормки. Поделившись своей бедой с соседями, жеребёнок выяснил, что подкормку в овёс подмешали только ему, и мысленно «поблагодарил» Зануду. Он снова подошёл к кормушке и понюхал пятно. Приторно-навязчивый запах отбивал желание есть. Однако желудок заурчал, и Марик, вздохнув, перевернул кормушку.

Овёс высыпался, пятно оказалось внизу, и жеребёнку удалось перекусить тем, что ещё оставалось съедобным.

Снова потянулись унылые четырёхстенные дни.

– Когда же, наконец, нас выпустят гулять? – сетовала Тётушка Бу. – От этого стояния в денниках того и гляди вьюшки заведутся!

– Не будут нас вечно здесь держать. Как снег ляжет, так и выпустят, – угрюмо буркнул Тунгус. – И не в твоём возрасте вьюшек бояться!

Тётушка Бу обиженно фыркнула и отвернулась к стене. Больше никто не жаловался.

Зануда с Кормильцем не приезжали. Брёвен в стенах не прибавлялось, и считать было нечего. Упрямый конюх теперь не просто вливал подкормку в ужин, а добросовестно перемешивал её с овсом.

Марик дремал, когда в его сон стали пробиваться тревожные звуки с улицы. Шум незнакомой машины, множество шагов, взволнованные голоса. Что-то было не так. В конюшне установилась напряжённая тишина, давящая на уши, словно тяжёлый пресс. Тишину пронзил чуть хриплый от волнения крик Тётушки Бу: «Это он! У меня предчувствие! Это ветеринар! Ветеринар!!!»

Лошади заметались. Тётушка Бу, нервно дыша и ежесекундно обещая упасть в обморок, отчаянно пыталась спрятаться за кормушку (насколько может спрятаться за кормушкой крупная вороная лошадь). Тунгус, повернувшись к входу хвостом, завёл уши назад и громко, злобно клацал зубами. Кто-то, судя по звукам, карабкался на стену.

Марик вскочил, в панике закружился по деннику, надеясь найти укрытие. Скрипнула дверь, и в конюшню вошли люди. Марик метнулся в дальний от двери угол.

– Только не ко мне, только не ко мне, только не ко мне, – причитала из-за стены Тётушка Бу, очевидно, пытаясь скомпоновать потеснее свои выпирающие из-за кормушки формы.

– Ну, и где наш больной? Ведите Тунгуса, – распорядился звучный незнакомый голос.

Тётушка Бу со вздохом облегчения привалилась к стене. Стена жалобно застонала.

Заскрипела дверь денника, и по коридору раздалось цоканье копыт. Тунгус шёл очень медленно, словно каждый шаг давался ему с трудом. У развязок шаги остановились.

Марик вслушивался, затаив дыхание. Зловеще звякнул какой-то инструмент. Тут же нервно затоптался Тунгус, и что-то сразу же звучно загрохотало по полу.

– Но-но! Не балуй, – строго приказал голос.

Тунгус зашипел, грозно клацнул зубами, но топтаться перестал. Было слышно, как по спинам лошадей бегают мурашки.

– Здоров! – услышал Марик вердикт голоса. – Если опять начнёт прихрамывать, попробуйте компрессы, я напишу рецепт.

Тунгус, громко цокая копытами, вернулся в денник.

Прильнув к двери, Марик с облегчением слушал незнакомые шаги. Ветеринар, кажется, уходил!

Но что это? Шаги замерли напротив его денника! Марик почувствовал, как сердце его камнем упало куда-то в желудок, а потом вместе с желудком ухнуло в копыта. Щёлкнула задвижка, и дверь, испустив тихий, как будто придушенный скрип, открылась. На пороге показалась сияющая Зануда. Приветственно взмахнув недоуздом, она сказала:

– Иди сюда, смотреть тебя будем!

Марик отчаянно замотал головой.

– Да не бойся, глупыш, ветеринар – это совсем не больно!

Марик изо всех сил вжался в стену. Он догадывался, что ветеринар – это и опасно, и больно, и страшно, а радужный вид Зануды только усиливал его подозрения. Зануда же, не обращая внимания на протесты жеребёнка, вывела его, упирающегося, в проход и поставила на развязки, затянув их так туго, что Марик едва мог пошевелить головой. Он не мог сделать ни шага, не мог обернуться. Он был в западне!

Сзади слышались шаги ветеринара. Марик напрягся и зажмурился, от страха он слегка дрожал. Но вот наступила тишина, а затем... чья-то рука легла ему на спину!

От неожиданности Марик вздрогнул и подскочил. Скосив глаза, он увидел стоящую рядом добродушно улыбающуюся женщину. Она подмигнула ему и ласково почесала шею. От неё веяло спокойной уверенностью и таким необычайным, невиданным теплом, что Марик забыл о ветеринаре. Ловкие пальцы пробежали по его ногам, и Марик почувствовал, что сердце

с желудком возвращаются на свои места. Женщина посветила фонариком в его глаза, потрогала уши, заглянула в зубы и даже пощупала язык.

– На передачах небольшой размёт, а так проблем нет.

Марик в смятении взглянул на свои ноги, но никакого размёта там не увидел. Женщина между тем продолжала объяснять:

– Сена должно быть вволю (Марик начал проникаться к ней всё большей симпатией), выгул тоже увеличить максимально (симпатия стремительно перерастала в любовь), овёс... ну, оставьте пока, как есть, больше ему не надо (Марик разочарованно вздохнул, но он помнил, что даже лучшие из людей не идеальны).

Зануда отстегнула верёвки и отвела Марика обратно в денник. Облегчённо отфыркиваясь, он радостно подпрыгнул – ему чудом удалось избежать встречи с ветеринаром! Видимо, эта добрая женщина его и спасла, от Зануды-то не дождёшься...

Глава 5, в которой Марик знакомится с чужаком, и они вместе отправляются совершать подвиг

Сильные порывы ветра швыряли мелкие снежные крупинки в лицо, леденили уши и губы. Усы совершенно заиндевели и неприятно оттягивали кожу. Снег падал, не останавливаясь, укутывая смёрзшуюся, изрытую копытами землю белым одеялом.

Марик повернулся к ветру спиной и почувствовал, как тот взъерошил ему шерсть, лихо гуляя по шкуре, стараясь пробраться как можно глубже.

Жеребёнок потёрся мордочкой о ногу: снег намерзал на чёлку и ресницы, мешая смотреть на лес.

Лес отвечал Марикуну сонным усталым взглядом. Хрупкая рябинка прислонилась к вековой смолистой ели, обняв её гибкими ветвями, усыпанными ярко-красными ягодами. Ель хмурилась в полудрёме, покачивая своими развесистыми лапами. Покрывшись снежной сединой, лес словно одряхлел.

Марик задрал голову и задумчиво уставился на вершины елей. Вот живут они и живут веки вечные, а перед глазами у них, словно мгновение, пролетают одна за одной жизни маленьких лошадей. Какие громадные! Небось, даже и не замечают его. Берёзы, рябины, они совсем другие: вечно юные, добрые, ласковые... Поговорить с ними, конечно, нельзя, но можно просто постоять рядом, почувствовать ласковое прикосновение листьев, услышать шелест ветра в их ветвях. Но зимой деревья спят.

Из конюшни донеслись шаркающие шаги конюха, и тут же – незнакомая дробь копыт. Марик поднял уши, шумно втянул ноздрями колючий воздух и насторожился. Из-за угла показался конюх, а рядом с ним подпрыгивала, беснуясь, чёрная туча во вспышках белых молний.

Конюх одной рукой с трудом открыл леваду. Туча вихрем ворвалась внутрь, резко затормозила, отряхнулась, фыркнула и обрела очертания. Перед Мариком возник вороной жеребёнок с белоснежными отметинами на лице и ногах. Он был выше Марика, крепче сложен и, очевидно, постарше. Его широко раскрытые глаза с озорным любопытством смотрели на Марика.

– Ты кто? – Марик прежде и не догадывался о существовании других жеребят. – И откуда ты взялся? Вчера тебя тут не было, я точно знаю!

– Я приехал! – Голос у жеребенка был звонкий, задорный и в то же время внушающий уважение. – Теперь придётся жить в этой дыре... Уму непостижимо – до чего тесная у вас левадка! Да ещё и с колдобинами!

Марик стало обидно за свой дом, но он не придумал, что ответить.

– А откуда ты приехал?

– Из другой конюшни. Там было неплохо, даже очень. Моё имя – Кай. А ты – Марик, я знаю. Слышал, как тебя конюх звал.

– А что, бывают другие конюшни? – у Марика от изумления перехватило дыхание. Неужели мир такой огромный? Существуют какие-то другие конюшни, другие левады, другой лес... И там живут другие лошади?

– Конечно, бывают! Я уже в трёх пожил! Твоя – четвёртая. И совсем не идеальная!

Марик заложил уши и чуть оскалился. Он сделал так первый раз в жизни – очень уж разозлил его этот чужак! Старый ворон на ели насмешливо каркнул. Кай засомневался, но всё-таки отступил на шаг.

– Ладно, не дуйся! Просто она, правда, не самая-самая... Забудь! Давай лучше придумаем, что мы будем делать? Давай убежим?! Нет! Давай сломаем забор?! Или... нет! Выроем подкоп! Или, вон, смотри, какая огромная железка совсем рядом с левадой! Может, опрокинем её?! Будет отличный Бдз-з-зы-ы-ынь! – весь во власти своих идей, Кай нетерпеливо пританцовывал.

– Я даже не знаю, – с сомнением произнес слегка ошеломлённый Марик. Ему, конечно, всегда хотелось совершить какой-нибудь подвиг – что-нибудь сломать или опрокинуть, чтобы другие лошади не думали, что он маленький и ни на что не способен. Он всегда с некоторой завистью смотрел на убегающую из левады Тётушку Бу, на Лилу, ювелирно выгрызавшую забор, на тётю Лайзу, таскавшую за собой конюха на верёвке. Но, когда появлялась возможность проявить себя, Марик, стесняясь, отступал, в глубине души считая себя ещё не готовым проявить настоящий героизм. – А ты уже делал что-то подобное?

– Ну-у-у, – потянул Кай, – кое-какие штучки мне удавались. Давай-ка для начала попробуем выйти отсюда!

Марик с замирающим от страха и восторга сердцем кивнул. Кай подошёл к воротам и, немного повозившись, открыл щеколду. Радостно вскрикнув, он сунул нос в щель, однако ворота не открылись – хитрый конюх надёжно привязал дверь чомбуром.

– Это что ж они делают, а?! – Кай был вне себя от злости. Он грыз и тербил узел, бил по нему копытом, но всё безрезультатно. – Нам подвиг надо совершать, а тут дверь привязана! – в отчаянии взвыл он.

– Давай я попробую? – Марик аккуратно подошёл сбоку, чуть опустив голову, но прижав назад уши. Жест был хитрый: с одной стороны, Марик Кая прогонял, а с другой – вежливо просил. И, как бы чужак ни ответил, всегда можно было бы сделать вид, что именно такой реакции ты и ждал.

Кай немного отодвинулся, уступая место. Взявшись за узел зубами, Марик слегка потеребил верёвку, а затем аккуратно потянул. Почувствовав, что узел поддаётся, он перехватил его и потянул снова. Ещё немного... ещё... Верёвка бессильно скользнула в снег, двери левады, скрипнув, отворились. Жеребята замерли на пороге свободы, не веря своей удаче и шумно вдыхая морозный воздух.

Поднялась яркая луна, разлив серебряный свет над темнеющим лесом. Марик осторожно сделал крохотный шаг вперёд. Кай предостерегающе фыркнул и тоже придвинулся к заветной черте. Небывалое упоение собственными силами горячей волной хлынуло к сердцу. Марик поднял голову, раздул ноздри и победно заржал. Жеребята восторженно переглянулись и в два прыжка скрылись в лесу.

Они неслись вперёд, скорее чутьём, чем глазами, угадывая дорогу, уворачиваясь от узловатых еловых корней и низких веток, которые, словно руки сказочных великанов, преграждали им путь. Чёрные глубокие тени теснились вокруг, словно кто-то вырезал кусочки мира, создавая пропасти, ведущие в никуда. Беглецы мчались и мчались, петляя, забирая то влево, то вправо, погружаясь всё глубже в лес. Маленькие копыта уверенно проносились над буреломками, мышинными норами, валежником, не задевая их. Марик вдруг понял, что мог бы закрыть глаза – так точно и безошибочно его ноги выбирали верную дорогу. В просвете справа мелькнуло поле, над которым в бархатном небе мерцали россыпи ярких звёзд.

Жеребята перешли на рысь. Кай бежал легко, пружинисто, гордо неся свою немного горбоносую голову и высоко подняв хвост.

– Чу! Слышишь?

Кай резко остановился и принялся. Пахло свежим снегом, смолой, хвоей и очень далеко впереди – чем-то железным. Марик насторожился, уловив едва слышный хруст. Подняв голову, он увидел то, чего боялся больше всего на свете. На разлапистой еловой ветке сидел огромный конеед, распространяя волны липкого удушливого страха.

Жеребята замерли, точно натянутые струны, не в силах шевельнуться. Конеед, мерно покачиваясь, тихо шипел, и шипение это завораживало и лишало сил. Стук бешено колотящегося сердца шумно отдавался в ушах, ноги подрагивали, а воля исчезала, подчиняясь чужому захлестывающему, затягивающему в тягучую трясику безнадежности ужасу.

Из оцепенения их вывело громкое хлопанье крыльев. Чей-то хриплый голос прокричал сверху:

– Ну-у, р-р-р-разошёлся! А вы, малыши, бр-р-рысь домой немедленно! Тоже мне, бес-стр-р-рашные р-р-р-разбойники!

Наваждение схлынуло, и оба рванули что было сил, не разбирая дороги, больно стучаясь копытами о выступающие корни и заледеневшие комья земли, цепляясь прядями грив за шершавые смолистые стволы, спотыкаясь, падая, поднимаясь и снова скача во весь опор, быстрее, быстрее, оставляя позади всю тьму ночного леса. Воздух вонзался в лёгкие сотнями ледяных игл, встречный ветер резал слезящиеся глаза, а они всё неслись вперёд, пока не выскочили на залитую ярким светом луны незнакомую опушку. Тяжело дыша, пошатываясь, жеребята жались друг к другу, со страхом озираясь.

– Где мы? – вскинул голову Кай.

– Откуда я знаю? Я тут не был никогда, – Марик нервно облизнулся и обвёл глазами опушку. – Домой возвращаться надо...

Он задумался, мысленно представил конюшню, сладко пахнущее вечернее сено, тёплую кашу из овса и отрубей, крупные стружки опилок...

– Туда! – Марик уверенно пошёл сквозь кусты, пригибаясь и жмурясь, чтобы тонкие колючие ветки не царапали мордочку.

Луна поднялась совсем высоко, освещая угрюмые стволы и разлапистые еловые ветки. Под ногами весело хрустели сухие веточки, за спиной слышалось ободряющее сопение Кая, и Марик немного воспрял духом.

Они шли и шли, так долго, что Марику стало казаться, будто он стоит на месте, а тропинка сама бежит ему под ноги. Деревья поредели, и жеребята прибавили ходу, перейдя на рысь.

Продравшись сквозь кусты, Кай издал жалобный стон: они снова очутились на той же опушке, с которой ушли столько времени назад! Марик, понурив голову, расстроено принюхивался. Остаться на ночь в мрачном холодном лесу совершенно не хотелось.

– Это Леший нас попутал, – пробормотал сквозь зубы Кай.

– Леший! – в сердце Марика встрепенулась надежда. – Дяденька Леший! Помоги нам! Дяденька! Добренький дяденька Леший!

За его спиной раздалось тихое побряхтыванье. Марик обернулся и увидел Лешего, выглядывающего из-под свисающих ключьями замшелых ветвей.

– Что, малышня? Заблудились? Вижу, вижу... А зачем в лес сунулись в неположенный час? Носитесь, как ошалелые, зверьё распугали, перебудили, ветки ломаете! А если медведь из спячки проснётся? Что ему? Голодать тут на морозе из-за глупости двух лошадиных детёнышей? Об этом вы подумали? Или покормить его хотели?

Жеребята отвели глаза и опустили головы, пытаясь стать как можно меньше и незаметнее.

– Это всё потому, что на нас конеед напал! – попробовал оправдаться Кай.

– А нечего было по лесу бегать! Да и пугал он вас всего ничего – я к вам Ворона послал, чтоб вы со страху головы не потеряли совсем. А вы – вон что! Помчались в противоположную от конюшни сторону! Эх, ветки-листки, молодые, зелёные, ума нет! Ладно уж, идите, дорогу я вам спрямлю, к ужину поспеете. И не благодарите, у меня своя выгода – хватятся вас, прибегут люди с фонарями лес топтать, тут уж точно зверьё перебудят.

Марик облизнулся, склонил голову на прощанье и пролепетал: «Спасибо, дядюшка». Огладив бороду, Леший взмахнул рукой, и Марик увидел лежащую под ноги тропинку, весело зовущую вперёд, прямо под арку зарослей орешника.

Переглянувшись, жеребята быстро зашагали по тропе, стараясь ступать как можно тише и аккуратнее.

– А-а-ах! Ты видел? – прошептал Кай на ухо Марикю. Тот оглянулся – тропинка сзади медленно исчезала, на ней проявлялись хрупкие рябинки и хмурые ели, стройные сосны и лохматые приземистые кусты. Однако впереди она по-прежнему звала домой, подсвеченная лёгким блеском искрящегося в лунном свете снега. Друзья прибавили ходу и вышли на знакомую полянку. За деревьями светились конюшечные окна.

Навстречу, смешно размахивая недоузками и чомбурами, бежал запыхавшийся конюх. Увидав возвращающихся беглецов, он остановился на полпути, махнул рукой, буркнул что-то неразборчивое и пошёл обратно к конюшне. Пройдя мимо хмурившегося конюха, жеребята радостно окунулись в светлое, ароматно пахнущее тепло конюшни. Из денников донеслось приветственное топанье и ржание.

– Вернулись? Вот это да-а! Молодцы!

– Ворон с новостями залетал! Конееда, говорит, видели!

– Открыть леваду! Ну надо же! И верёвку развязали!

– Э-э-эх, давненько я сам в лес не убежал...

– А видели, как конюх испугался? Метался, хватал всё подряд, переживал, будто ужина лишился!

Марик расплылся в довольной улыбке, взбил себе подушечку из опилок и, устроившись поудобнее, улёгся. По телу разливалась блаженная усталость, ноги приятно гудели, хотелось дожидаться ужина и заснуть сладким сном. Марик почувствовал удвоенную радость, зная, что в соседнем деннике так же улыбается Кай.

Глава 6, в которой Кай с Мариком пытаются устроить поимку и разоблачение, но из этого ничего не выходит

Дни летели, подгоняя друг друга в стремительной скачке. Стало рано темнеть, серая мгла спускалась с небес на землю почти сразу после обеда. Марик всерьёз опасался, что рассвет и день вскоре исчезнут вовсе, и останется только этот бесцветный снежный полумрак. А снег всё падал и падал, грозя засыпать весь мир, превратив его в один огромный пушистый сугроб.

Марик теперь гулял вместе с Каем. Они очень сдружились со времён своего первого подвига. Хитрым людям пришлось научиться закрывать ворота так, чтобы жеребятам было не

под силу открыть их, но друзья не расстроились: вдвоём можно было придумать тысячу новых игр и развлекаться, не выходя наружу.

Как только ворота левады закрывались за ними, жеребята устраивали скачку по кругу, скидывали задние ноги, подпрыгивали, задирали в небо носы, жадно вдыхая морозный воздух.

Набегавшись, они останавливались и аккуратно снимали друг с друга недоуздки.

Одному снять недоуздки очень сложно, практически невозможно. Для этого нужен друг! Укрывшись в самом дальнем углу левады и повернувшись хвостами к миру (чтобы никто не подумал, будто они что-то замышляют), Кай и Марик старались зацепить ремень недоуздки, проходящий за ушами. Это было самое главное: снимешь затылочный ремень, и недоуздки сразу падают к ногам. Тут его можно взять в зубы и трепать, подкидывать, перетягивать... Но самое лучшее – затоптать поглубже в сугроб, чтобы конюх не нашёл!

Конюх заводил лошадей в конюшню перед ужином. Если недоуздки были хорошо затоптаны, то он сначала вздыхал и ругался, а потом долго бродил по снегу, отыскивая пропажу. Марик с Каем чуть подрагивали в предвкушении новой игры. Она начиналась, когда конюх, наконец, находил недоуздки и шёл с ними к жеребятам. Важно было подпустить его как можно ближе, дать протянуть руку, коснуться гривы и тут же, быстро развернувшись, умчаться прочь.

О, как это было восхитительно! Конюх представлялся им ветеринаром или конеедом, а они себе – смелыми и бесстрашными героями! Риск кружил голову, конеедо-ветеринар тянул к ним свои ручищи – вот-вот схватит – но каждый раз потрясающая ловкость позволяла смельчакам избежать опасности в самый последний момент.

А когда эта игра надоедала, конюх вновь принимал свой привычный облик, и жеребята, посмеиваясь, подходили к нему, позволяя отвести себя домой, поближе к еде.

В этот раз, однако, с ужином приключилась беда. Вместо золотистого овса перед Марином поставили неаппетитную болтушку из отрубей, а сена и вовсе не положили. С голодным бурчаньем в животе жеребёнок накинулся на отруби и смёл их в одну минуту.

Есть захотелось ещё сильнее. Марик огляделся, тщательно обшарил кормушку и все углы денника в поисках завалившихся зёрнышек или сенных былинки, но там было пусто. Грустно вздохнув, он улёгся на опилки и попробовал уснуть.

Сон всё не шёл, и Марик маялся, глядя в тёмный дощатый потолок и размышляя о том, кто мог забрать у него еду. В мыслях проплывали мрачные тени конеедов, мелькали образы каких-то диковинных чудовищ, кружились в вихре туго набитые овсом мешки, а ровненькие, аккуратные сенные брикеты, построившись в шеренги, дружно маршировали куда-то вдаль. Измученный Марик задремал, изредка вздрагивая от смутных видений.

Завтрак оказался точной копией ужина... В конюшне не было слышно привычного утреннего гомона, лошади вздыхали, уныло перебирая губами опилки, надеясь найти хоть клочочек сена.

Марик еле дождался прогулки: ему не терпелось поделиться с Каем своими соображениями. В леваде они сразу же отошли в самый дальний угол и, низко склонив головы, зашептались.

По всему выходило, что всю еду кто-то съел в одиночку. Под подозрением оказались все лошади конюшни, кроме, разумеется, их самих. Снова и снова, перебирая в уме события последних дней, друзья старательно пытались понять, что же случилось. Что пошло не так? Ответ, казалось, был совсем рядом... Им бы хоть какую-то зацепочку, пусть крошечную и незначительную...

Жеребята вдруг вскинули головы, поглядели друг на друга и одновременно воскликнули: – Тётушка Бу!

Картина пропажи кормов мгновенно сложилась! Тётушка Бу сбежала вчера днём. И это она носилась кругами около конюшни. Тётушка Бу скрылась из виду, едва конюх побежал её

ловить. И она же вернулась сама, а вид при этом имела весьма довольный! А самое главное – именно Тётушка Бу громче всех вздыхала по поводу скудости еды – не иначе как, чтобы отвести от себя подозрения!

У Марика перед глазами проплыл образ чавкающей, жадно поглощающей овёс Тётушки. Пустота в животе отчаянно застучала по стенкам желудка!

Кай рванулся с места и принялся терзать зубами задвижку левады. Та не поддавалась, и он понуро вернулся обратно.

– Мы всё равно убежим! Нужно проверить! Мы пойдём по следам этой грабительницы и сами увидим, как она протаптывала тропу от овса до сена! Ой, у меня формы, ой, у меня нервы! – зло передразнил он причитания Тётушки Бу. – Мы докажем остальным, что это она всё съела, и её заставят вернуть еду обратно!

– Угу, в виде навоза. – Марик был настроен скептически.

– Не важно! Вор должен быть пойман, разоблачён и наказан!

Однако из левады друзьям выбраться не удалось. Так и простояли они в своём уголке целый день, увлечённо строя планы поимки и разоблачения.

Из размышлений их вывели приехавшие Зануда с Тихоней (так Кай прозвал свою хозяйку за добрый, спокойный нрав и мягкость).

Почистив жеребят и тщательно выбрав опилки из их хвостов, Зануда с Тихоней повели их по лесной тропинке на плац. Марик подпрыгнул от возбуждения. На плацу, если он был свободен, их всегда отпускали побегать! А если отпустят и на этот раз, можно будет проскочить под воротами и оказаться на свободе! Вот она, долгожданная возможность привести в действие их замысел!

Легонько толкнув Кая в бок, Марик украдкой поведал ему план. Кай, соглашаясь, незаметно кивнул. В этот момент Зануда, видимо, что-то заподозрив, ускорила шаги, а затем побежала. Марику пришлось сильно сосредоточиться, чтобы бежать рядом: нужно было рысить так, чтобы Зануда держалась на уровне его шеи. Это было так сложно, что все планы вылетели из головы жеребенка.

На плацу прыгал крупный, мощный гнедой Дарлей. Его берейтор, крепкий, жилистый старик, легко направлял коня на препятствия. От обоих веяло такой непоколебимой целеустремлённостью, что даже Зануда вся как-то подобралась.

– Ай, молодец! – Старик похлопал Дарлея по шее и потянулся в карман за сахаром. Дарлей, оценивающе поглядывая на брусья, сжевал пару кусков и сухо кивнул Марику. Из леса показались отставшие Тихоня и Кай.

– Здорово, мелюзга! – обратился целеустремлённый берейтор, не то к жеребяткам, не то к их хозяйкам. – Я вам ворота починил. Занимайтесь.

Он тронул поводья и выехал с плаца. Зануда впустила Марика внутрь, закрыла ворота, а сама осталась снаружи, дожидаясь Кая с Тихоней. Пройдя пару шагов, Кай резко остановился и в ужасе уставился на ворота плаца. Марик, решив, что тот увидел конееда, начал опасно озираться.

– Это ловушка! Марик, это ловушка! Глянь на ворота!

Марик ринулся к воротам и тут же отпрыгнул в сторону – щель под ними была заколочена доской!

Жеребята, стоя по разные стороны ограждения, ошарашенно смотрели друг на друга, не зная, что предпринять.

– Кай, беги один! Беги! Только так мы сможем всё узнать!

Кай встал на дыбы и, резко развернувшись, прыгнул в сторону. Чомбур натянулся, дёрнув Тихоню за руку, она оступилась и едва не упала. Кай, изловчившись, прыгнул снова. Зануда тут же перехватила верёвку и так грозно шагнула в сторону Кая, что его задние ноги против воли сами отбежали в сторону. Зануда с угрожающим видом нависла над Каем. Тому ничего

не оставалось, как отступить от неё задом, всё глубже закапываясь в сугроб. Марик метался за забором и изо всех сил поддерживал друга.

– Давай, Кай! Дёрни посильнее!

Внезапно Кай резко отпрыгнул в сторону, сильно рванув чомбур. Зануда держалась крепко, но на ногах не устояла. Упав, она проехала несколько метров на животе, поднимая фонтаны снежных брызг. Кое-как поднявшись, проваливаясь по колено в снег, она грозно двинулась на жеребенка. Поджав хвост, тот опустил голову и развесил уши. Зануда смягчилась, погладила его и повела к воротам. Кай покорно шёл за ней, почтительно помахивая ушами и пряча глаза. Но, не доходя до ворот, он опять взбунтовался – вдруг резко встал на дыбы и развернулся, налегая на верёвку плечом и изо всех сил стараясь вырваться.

Зануда рассвирепела. Едва удерживая чомбур, она, шипя и ругаясь, резким жестом развернула его и осадила. Кай сделал несколько шагов назад, однако Зануда, оцетинившись иглами холодной ярости, продолжала надвигаться на него.

Кай ускорил шаги, теперь он почти бежал назад и, кося глазом, искал новую возможностьлизнуть, но Зануда, подёргивая чомбуром, не давала ему даже повернуть голову, гнала перед собой, и вскоре оба скрылись за деревьями...

Марик тоненько заржал. К нему подошла Тихоня, и жеребёнок, жалуясь, уткнулся мордочкой в её руки. Они стояли молча, тревожно вглядываясь в лес.

Вскоре оттуда слышались неторопливые шаги, и показались Кай с Занудой. Кай шёл, опустив голову и тихо вздыхая. Его бравый настрой, казалось, испарился навсегда...

Зануда открыла ворота, отпустила Кая, и друзья тут же отскочили подальше, чтобы поговорить наедине.

– В лесу конееды! Целая тьма! А она даже не давала бояться, даже по сторонам смотреть не разрешала! Гнала задом наперёд, не останавливаясь! Страхом аж до костей пробрало! – Кай перевёл дыхание. – Я и подумал, хочешь-не хочешь, надо выбираться! Ну, и присмирел, как ягнёночек. То есть, вид сделал, конечно. Ты же знаешь, на самом-то деле я храбрый, но уж лучше Зануду послушать, чем конеед тебя сожрёт. Иду быстро, в глаза ей смотрю, а сам пересохшие от страха губы облизываю. Тут она и успокоилась. «Ладно, – говорит, – прощаю тебя, пойдём обратно».

Потянулись минуты занятий. Марик старался изо всех сил: ему втайне хотелось хоть в чём-то превзойти Кая.

Обычно Каю всё удавалось лучше: он был смел, решителен и уверен в себе, но на учёбу у него не хватало терпения. Вот и сейчас друг презрительно фыркал, глядя, как старательно Марик переступает ногами в поворотах, по команде бежит и останавливается, сгибает шею в разные стороны. И, хотя сами упражнения давались Каю очень легко, он не хотел прилагать ни малейших усилий, считая, что эта ерунда не стоит потраченного времени.

– Мы сбежим на обратном пути, – шепнул Марику Кай, улучив секунду.

Марик дёрнул ухом, показывая, что всё понял и согласен. Другого знака он подать не мог – Зануда учила его опускать голову, нажимая пальцами на затылок.

В конце концов ворота открылись, и жеребят повели домой по вкусно хрустящей снежной тропинке. Тяжёлые ветви деревьев низким пологом нависали над головами, а из сугробов то тут, то там выглядывали молодые ёлочки. Марик на ходу скусывал кончики их веток. Это занятие так увлекло его, что он не заметил, как очутился на поле.

Летом оно не казалось таким огромным. Но теперь уходящий вдаль, весь в белых сугробах, простор навевал мысли о невиданных снежных морях. По белым волнам прихотливыми узорами скользила позёмка.

Зануда подозвала Марика к себе и отстегнула чомбур. В изумлении от неожиданной свободы, жеребёнок остался стоять на месте, моргая глазами от ослепительного света.

Из оцепенения его вывел Кай, словно вихрь промчавшийся мимо. Марик рванул вслед, вздымая клубы снежной пыли. Нырять в застывшие снежные волны, жеребята поскакали вокруг поля. Ветер свистел в ушах, играл прядями грив, глаза слезились от бьющего в них яркого солнца.

– Стой! – Кай резко затормозил, подняв снежное облако. – Нам же надо разоблачать!

Немного неуклюже развернувшись в сугробе, друзья плечом к плечу помчались в сторону конюшни. Обернувшись, Марик увидел бегущих за ними Зануду с Тихоней и ощутил слабый укол совести. Промелькнуло поле, затем знакомый до последнего деревца лесок, и вот впереди показалась конюшня.

– Ш-ш-ш-ш! Теперь тихо, нас не должны увидеть! – бровями сигнализировал Кай.

Прячась за деревьями, осторожно ступая и напряжённо оглядываясь, жеребята подошли к конюшне. Вот и следы Тётушки Бу! Принюхиваясь и временами пофыркивая, сыщики шли по петляющему между стволов следу, который... внезапно оборвался на вытоптанном снегу у входа в конюшню!

– Так что же это? Не она?! – Кай разочарованно выдохнул. – Она и близко к сену не подходила – там только человечесьи следы!

Оглядевшись по сторонам (вдруг кто следит за ними?) Марик подошёл к небольшой пристройке, где хранился овёс. Дверь была приоткрыта.

Марик аккуратно просунул мордочку в щель, толкнул, и дверь отворилась. Помещение было тёмное, крошечное, меньше денника. Тут так восхитительно пахло овсом, отрубями, в общем «букете» присутствовали нотки чеснока и каких-то травок... Марик, ещё раз оглядевшись, сделал шаг вперёд.

На полу валялось несколько зёрнышек овса. Не удержавшись, он съел ровно половину, оставив вторую Каю. В углу громоздились пустые белые мешки. А у стены, справа, на грубо сколоченных полках стояли бесчисленные банки, склянки, коробки, пакеты и пакетики с подкормками и витаминами для лошадей.

– Ну, что там? – полюбопытствовал Кай, протиснувшись следом.

Места в комнатёнке не осталось совсем.

– Да, ерунда какая-то – банки, скля... – разочарованно потянул Марик.

Но тут Кай принялся разворачиваться, чтобы поглядеть на ерунду, и задел Марика. Тот же, теряя равновесие, мотнул головой, ударился обо что-то острое, и все многочисленные человечесьи запасы с предательским грохотом обрушились вниз. Марик услышал недовольный возглас и торопливые шаги конюха.

– Бежим! – пискнул Кай.

Поскальзываясь на вытекших из банок неаппетитных лужах, спотыкаясь и путаясь в ногах, жеребята выскочили из комнатки с бешено колотящимися сердцами и, задыхаясь от страха перед наказанием, помчались обратно в лес. Им вдогонку неслись проклятья конюха. Лишь отбежав на порядочное расстояние от конюшни, они позволили себе остановиться и отдышаться.

– Теперь нам нельзя возвращаться домой, – выдавил из себя Кай.

– Почему это? – Марик внимательно вглядывался в просветы между деревьями, ожидая погони.

– Ты что, не понял? Теперь все решат, что это мы всё съели! Там же наши следы! И конюх нас наверняка заметил!

– И что нам теперь делать? – Марика пробрала дрожь от ушей до кончика хвоста.

– Для начала надо найти хоть какой-нибудь еды, – Кай неопределённо мотнул головой и поковырял снег копытом.

Марик опустил голову вниз и внимательно принюхался. Сквозь свежий, холодный запах снега он почувствовал едва слышный аромат черничных кустов. Ну, конечно же! Они стояли на

его любимой черничной полянке! Раскопав сугробы копытами, жеребята принялись уплетать мёрзлые зелёные стебельки.

Смеркалось. Ветер подул сильнее, неприятно леденя кончики ушей, мокрая шерсть сваялась и повисла сосульками.

– Ка-а-а-ай! Ма-а-а-ри-и-ик!!

– Это Зануда с Тихоней!

Тяжело дыша, запыхавшиеся хозяйки жеребят вышли на черничную полянку.

Зануда, порывшись в кармане, извлекла кубик сахара и протянула его Марику. Едва он потянулся к угощению, Зануда вцепилась в недоуздок, стараясь поскорее пристегнуть чомбур.

Несмотря на опасения Кая, обвинять жеребят в краже овса никто не стал. Все лошади выглядели усталыми и озабоченными, словно после долгого спора. Марик привычно взбил себе подушку из опилок, свернулся на ней калачиком и приготовился слушать.

– Последний раз повторяю: люди, лю-ди это! Их проделки, – недовольно объяснял из своего денника Тунгус. – Видал я и не такое в своей жизни... И не один раз. Теперь живите до лета с пустыми животами. Летом вырастет трава, будет что есть.

– А я всё-таки утверждаю, что это потусторонние силы, – настаивала Тётушка Бу своим низким, грудным голосом. – Теперь я точно похудею и стану как текинка какая-нибудь!

– Можешь думать, что хочешь, – процедил сквозь зубы Тунгус. – Еды от этого не прибавится.

– Но почему люди больше не дают нам еду? – робко спросил Марик.

– Какая разница? Тебе важна причина? Узнаешь ты её или нет – легче от этого не станет! – отрезал Тунгус, после чего повернулся хвостом к проходу, показывая, что разговаривать больше не желает.

Марик задумался. Ему казалось, что разница всё-таки есть. Нужно было понять, почему люди решили забрать их еду. Может быть, у людей закончились торты с колбасой (или что они там едят?), и им пришлось съесть всё самим, чтобы не умереть? Или же они просто забыли про лошадей? Ведь лошади тоже не всегда помнят про людей... Но лошади-то людей в конюшнях и не держат?

Громыхая вёдрами, прошёл конюх, раздавая голодным лошадям болтушку из отрубей. Проглотив свою порцию, Марик снова улёгся на опилки. В животе поселилась тянущая боль. Лошади ещё долго о чём-то спорили, и под гул их голосов жеребёнок уснул.

Разбудили его громкие крики с улицы. Марик вскочил на ноги и прильнул к двери. Он слышал голоса Зануды и Кормильца, но слова разобрать было сложно. Потом всё стихло. Марик уже собирался снова заснуть, когда дверь распахнулась, и вошли хозяева лошадей.

– Где сено? – закричала Зануда, лязгнув замком ближайшего денника.

– Здесь тоже нет!

– Да было, было... Вот только проели.

– И тут нет!

– Почему лошади стоят голодные?

– Ничего они не голодные, – монотонно бубнил малознакомый голос (Марик с трудом извлёк из памяти образ его обладателя – изредка посещавшего конюшню низенького, неказистого человечка с бесцветными бегающими глазами. Кажется, именно его все называли Начконом). – Они отруби ели.

– Отруби?! – голос Зануды зазвучал ультразвуком.

– В договоре указано, что лошади получают овёс три раза в день, – тихо, но твёрдо проговорила хозяйка Тётушки Бу. – Отруби и сено по мере проедания, не менее десяти кило...

– Они и получают!

– Но сегодня днём сена тоже не было, – пророкотал Кормилец. – Я заглядывал во все денники!

– Они всё съели.

– Где новое сено? – голос Зануды дрожал от ярости.

– Вы что, мне не доверяете? Я же сказал – привезут.

– Когда?

– Завтра. Или послезавтра. Откуда я знаю? Ночь на дворе!!

– Но ты начкон. И ты должен знать!

– Да привезут, я же сказал! Что вы трясётесь над ними?! Они что, золотые?! Постомят пару дней без сена, тоже мне беда!

– Этот разговор не имеет смысла, – Кормилец зашагал по коридору. – Помогите мне выгрузить сено. Нам очень повезло, что хозяева соседнего коровника вошли в наше положение и поделились своими запасами. И скажите спасибо, что этот коровник вообще нашёлся!

Кормилец, Зануда и хозяйка Тётушки Бу вышли. Бледноглазый пролетел по коридору, пнул со злости дверь мариковского денника и, ускорив шаги, поспешил раствориться в зимнем вечере.

Не успели лошади опомниться и всё обсудить, как в конюшню вернулся Кормилец, держа в руках объёмистый мешок.

Вытряхнув в денник Марика охапку пыльноватого сена, он ушёл – видимо, к другим лошадям.

Марик набросился на еду. Сена оказалось ничтожно мало, но боль в животе немного утихла.

Скрипнула дверь, и в денник вошла Зануда, непохожая на себя, тихая и какая-то беспомощная. Мельком взглянув на жеребёнка, она отошла в угол и уселась там, глядя в пространство перед собой. По её лицу текли слёзы...

Марик никогда ещё не видел, чтобы люди вели себя подобным образом. Он наклонился, ободряюще подпихнув хозяйку носом. Зануда тихо всхлипнула, а потом, не в силах больше сдерживаться, разрыдалась.

Марик на всякий случай отошёл подальше и недоумённо уставился на неё.

– Увезу я тебя отсюда! Увезу!! Ты только подожди немножко!

Марик на всякий случай отошёл ещё дальше. Он не очень понимал, что такое увозить, а на то, чтобы подумать на эту тему, у него совершенно не оставалось сил...

Год второй

Глава 7, в которой Марик примеряет обновку, путешествует съеденным, а также узнаёт, что такое коневоз

Сумерки спускались, обволакивая мглой каждое дерево в старом лесу. Огромный, мощный, словно налитый величавой силой, неслышно ступая по талому снегу, по лесу шёл конь. Его шерсть, посеребрённая сединой, тихо мерцала во тьме. Конь остановился под спящей берёзой и повёл тяжёлой головой, осматривая свои владенья. Прикрыл седыми веками глаза, упёрся мощными ногами в землю и замер на мгновенье. Затем, словно очнувшись, вздохнул. Сначала он дышал мягко, бережно, потом всё сильнее и сильнее. Ветер вырывался из его ноздрей – тёплый, ласковый, весенний. Снег оседал, серел, на нём чётко выступали опавшие еловые иголки, шелуха от шишек и старые звериные следы. Над снегом, колыхаясь причудливыми формами, поднялся плотный, тяжёлый туман. Конь-великан дул и дул, и зима отступала перед его дыханием. Туман поднялся так высоко и стал таким плотным, что, казалось, полностью затопил собою весь лес. Он сгущался у ног своего создателя, клубился у крутых боков и мощной шеи.

Конь прикрыл глаза и склонил голову, а затем тряхнул пышной гривой и громко, торжественно заржал.

В конюшне проснулся жеребёнок. Проснулся оттого, что сердце вдруг прыгнуло в груди и затрепетало, наполняя душу чем-то чистым, пронзительным, золотым или лазурным.

А огромный конь, окутанный туманом, тихо уходил вдаль, оставляя после себя влажный запах тающего снега да тёплый ветер, ласково играющий с ветвями деревьев.

– Весна пришла, – прошептал Марик, свернулся калачиком и снова уснул.

На лес обрушилась невероятная суета. Тут и там сновали зверушки, галдели мелкие пичуги. Лес звенел от голосов. Леший ни минуты не сидел на месте, будил заспавшихся сонь, помогал пробиться первой травке на проталинах... На ярком, словно вымытом небе не было ни облачка, солнце беспощадно плавало почерневший и оседающий с каждым днём снег. Коневеды, и те присмирели, ушли в тёмную глубь леса и почти не показывались на глаза.

Лошади принялись линять, и теперь по конюшне летали облака шерсти. Всё время хотелось почесаться. Марик завистливо глядел на старательно валяющегося Кая, хрюкающего от удовольствия и перекатывающегося с бока на бок. Но сам он валяться не решался. Марик толком не знал, почему, но, когда его посещали мысли о валянии, тело и ноги становились деревянными и совершенно отказывались слушаться.

Сено и овёс опять появились, но в меньших количествах, чем было раньше. Марик постоянно ходил голодный. Они часто обсуждали это с Каем, но так и не пришли к каким-то определённым выводам.

Стояло пронзительное весеннее утро. Марик проснулся и лежал на опилках, ожидая завтрака. Однако вместо конюха неожиданно появилась Зануда, кинула охапку сена и скрылась в проходе, даже не поздоровавшись.

А овёс? Марик бросился вдогонку, проскользнул в приоткрытую дверь и выбежал в коридор, едва не наткнувшись на спину Зануды. Та бросила на него недовольный взгляд, и Марик поспешил обратно в денник.

Со вздохом уткнувшись в сено, он едва не расплакался от несправедливости. Рядом ворчал Тунгус, тоже оставшийся без завтрака. Зануда, озабоченно войдя в денник, сняла со стены кормушку и соль. Марик заволновался. Уж не решила ли Зануда исчезнуть из его жизни так же неожиданно, как появилась в ней?

– Завтраком не покормили – дом поменяешь! – раздался из денника голос Тунгуса. – Примета такая.

– Подкову потерял – к отдыху! – Вставила Тётушка Бу. – Я много примет знаю!

– В зубы лезут – к ветеринару!

– В деннике долго стоишь – вьюшки пожалуют!

– Спину меряют – к обновке! – сказал Малаген.

– Гриву плетут – к соревнованиям!

– В попону кутают да хвост бинтуют – к дороге дальней!

– Хозяйка приехала – к сахару! – высунулась из денника Лилу.

– Вещи собирают – к коневозу!

От всех этих примет у Марика голова пошла кругом. Соревнования с вьюшками в подковывании коневозов совершенно сбили его с толку!

В денник снова ворвалась Зануда. На этот раз она вывела жеребенка в коридор и поставила на развязки. Затем, покопавшись в каком-то мешке, достала жуткого вида плед с длинной болтающейся бахромой. Марик плед понюхал, погрыз и отвернулся. Слишком уж гадко он выглядел. Зануда со счастливой улыбкой развернула плед и положила ему на спину, объявив, что это попона.

Из денника Тётушки Бу донеслось хихиканье. Сгорая от стыда и возмущения, Марик стащил плед зубами и бросил на пол. Ещё и ногой наступил для верности. Зануда невозмутимо вытащила из-под ноги плед и снова водрузила его на спину Марика, завязав верёвочками на груди. Хихиканье усилилось. Марик втянул голову в плечи, жалея, что не может провалиться сквозь дощатый пол.

Зануда повела жеребёнка за конюшню, где находилась стоянка для машин. В самом центре её, возвышаясь над остальными, стояла огромная, раззявившая хищную пасть машина, каких Марик ещё никогда не видел. От неё остро пахло влажным железом, бензином и страхом. У машины, уныло опершись на метлу, стоял конюх. Марику стало не по себе.

Зануда уверенно направилась к машине. Дойдя до трапа, напоминавшего высунутый язык, Зануда начала подниматься. Марик неуверенно сделал два шага за ней и остановился в нерешительности. Вдруг чьи-то сильные руки подхватили его сзади и в два счёта внесли в пасть, поставив слева от разделявшей её изнутри перегородки. Сзади, отрезая путь к бегству, опустили ещё одну.

Зануда крепко привязала его и вышла. Жеребёнок испуганно завертел головой, но короткий чомбур не давал как следует оглядеться.

Сзади с трапа раздался грохот, послышались уговаривающие голоса людей и глухое ворчание Тунгуса. Сердце подпрыгнуло и замерло. Марик забился, натягивая верёвку, и громко закричал:

– Кай! Ка-а-а-ай!!!

Из конюшни донеслось тревожное ржание Кая. Марик забился сильнее, пытаясь освободиться. Он не хотел, не мог, не желал расставаться с другом!

В этот момент, гулко простучав копытами по трапу, будто намереваясь разнести его, внутрь ввалился взмыленный Тунгус. Марика он словно не замечал.

Жеребёнок притих и опустил голову. Трап-язык с металлическим лязгом поднялся, и на лошадей обрушилась темнота.

Машина дико взревела, испуская клубы синеватого дыма. Пол под ногами Марика завибрировал, затрясся, резко рванул вперёд и выровнялся. Жеребёнок расставил ноги пошире и сосредоточился на том, чтобы не потерять равновесие.

Через некоторое время его глаза привыкли к сумраку, и он смог различить смутные очертания Тунгуса. За ним возвышалась гладкая стена. Впереди на железном крюке болтался рептух, набитый сеном. Временами машина поворачивала, и жеребёнок едва успевал поймать равновесие, чтобы не упасть и не удариться о металлические трубы, разгораживающие стойла. Ехали так мучительно долго, что Марик провалился в тревожную дрему.

Проснулся он от того, что машина неуклюже переваливалась через какие-то ухабы, подпрыгивая на кочках, и ухала в ямы. Тряпка, которую Зануда надела на него, сползла и хлопала бахромой по животу и ногам.

Вдруг наступила тишина. Марик не сразу понял, что машина остановилась. Его ноги гудели и подрагивали от качки, словно отвыкли стоять на твёрдом полу. Лязгнул металлом замок, трап откинули, и лошадей ослепило ворвавшимся в машину ярким светом. Пахло тёплыми полями, начинающей пробиваться из-под сухостоя травой, жирной, влажной землёй.

Замок лязгнул ещё раз, открывая Тунгусу путь на свободу. Тот, медленно ступая по гулко вибрирующему трапу, аккуратно спустился.

Марик завертелся и тоненько заржал, боясь, что его оставят в брюхе железного чудища. Послышался топот ног, и в машину вбежала растрёпанная Зануда. Отвязав его, она подтолкнула жеребёнка назад. Марик дрожал, озирался, шупал ногами доски трапа. Угловым зрением он заметил мелькнувший хвост Тунгуса, повернул голову и сделал шаг вбок, чтобы разглядеть его получше. Но нога вдруг провалилась в пустоту, увлекая за собой жеребёнка, и тот кувыркком скатился с трапа на землю.

Быстро вскочив на ноги и отфыркиваясь, Марик лихорадочно озирался. Перед ним лежало поле, далеко на горизонте чернел лесок. Оглянувшись, он увидел череду высоких разномастных заборов.

– Весь мокрый, бедняга, – прошептала Зануда, поглаживая его по шее. К ним подошёл Кормилец, держа в руках какие-то пакеты.

Марик со смешанным чувством беспокойства и признательности ткнулся носом Зануде в руку и замер.

– Ну, пойдём, малыш. Пойдём домой.

Они миновали высокий кирпичный забор, кучу опилок, накрытых железными листами, и вошли в узенькую калитку. Марик увидел перед собой песчаную площадку, примыкающую к приземистому зданию, расположенному буквой Г. На площадке стоял Тунгус, переругиваясь через ограду с невысоким гнедым незнакомцем. Тунгус выгибал шею, бил землю копытом, храпел и выглядел очень угрожающе. На всякий случай Марик опустил голову и облизнулся. Зануда отпустила его, он робко направился к Тунгусу и остановился на почтительном расстоянии. Тот вдруг отвернулся от соседа, подошёл к жеребёнку и тихо произнёс, наклонившись к самым его ушам:

– Это наш новый дом, Марик. Надеюсь, кормить здесь будут сытнее. Конюшен на свете очень много, и люди часто возят нас с одной на другую... поэтому опасно заводить друзей. Велика горечь разлуки.

Марик судорожно вздохнул и ничего не ответил. К нему подошёл Кормилец, сунул в рот сухарь, и они с Занудой поспешно вышли, закрыв за собой чуть скрипнувшую дверь калитки. Сердце Марика упало.

– А люди... хозяева тоже могут меняться?

– Да, малыш... Хозяева тоже иногда меняются, – в голосе Тунгуса мелькнула печаль.

Они остались стоять в середине плаца совершенно одни – робкий Марик и склонившийся над ним Тунгус. Марик уткнулся в вороную грудь Тунгуса и тихо всхлипнул. Тунгус ещё ниже опустил голову, коснувшись губами затылка Марика и едва слышно гукнул.

Вскоре пришёл конюх и забрал обоих в конюшню. Марик всё было ново и непривычно – и белый камень здания, и широкий проход, и большие окна, из которых лился мягкий вечерний свет, и высокие потолки, и ровный каменный пол. А главное, денники разгораживались светлыми решётками, через которые можно было смотреть в проход сколько захочешь и даже разговаривать с соседями!

Конюх, открыв дверь, впустил Тунгуса в его денник. Марика же провёл дальше – повернул налево, в небольшое отделение всего на три денника.

В ближнем, самом маленьком, стояла крошечная, очень круглая серая лошадка с густой длинной гривой. Марик вытарашил глаза, уставившись на неё: первый раз в жизни он видел лошадь меньше себя. Он и не знал, что такие бывают!

Конюх провёл его во второй денник, где жеребёнка ждала крупная охапка сена. Развязав бесчисленные узлы в бахроме и сняв попону, он удалился, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Марик взглянул направо – дальний денник остался пустым. Не смея заговорить с незнакомой лошадкой (она была такой маленькой, что он не мог думать о ней как о лошади), жеребёнок огляделся. Прямо напротив его денника были ещё одни ворота, открывавшиеся наружу и дававшие потрясающий обзор. Можно было видеть большую часть конюшни, плац, лошадей, которых выводят гулять... и даже калитку, за которой исчезли Зануда с Кормильцем.

Погрохотав засовом, конюх распахнул ворота шире, предоставив жеребёнку любоваться улицей. Марик смотрел, как замороженный, а лёгкий ветерок, гулявший по конюшне, трепал его гриву. Маленькая лошадка уплетала сено, не обращая никакого внимания на жеребёнка. Марик, покосившись на неё, поскрёб копытом, привлекая внимание, однако соседка лишь заложила уши и снова уткнулась в еду.

Из соседнего крыла конюшни донеслось ворчание Тунгуса. Вздохнув, Марик отошёл к другой стене денника и невидящим взглядом уставился на улицу. Из оцепенения его вывел звук открывающейся калитки.

Марик наострил уши и с замиранием сердца смотрел на то, как дверь, поскрипывая, медленно отъезжает в сторону. Не успела она открыться до конца, как во внутренний дворик ворвался чёрный вихрь с мелькающими белыми молниями. Марик заметался по деннику, поднимая тучи опилок, топча и разбрасывая сено. Вихрь на секунду замер, обретя знакомые очертания друга.

– Ка-а-а-ай! Ка-ай! Я тут! Я здесь! Ты тоже со мной, ты тоже!!!!

За Каем показалась улыбающаяся Тихоня. Они напрямиком направились к конюшне, и Тихоня открыла Каю соседний денник.

Марик скакал по деннику в диком танце. Вслед за Тихоней появились Зануда с Кормильцем, держащим в руках тюки с пожитками Кая. Зануда поставила на пол тяжёлый мешок моркови. Разделив её поровну между жеребятами, люди направились вглубь конюшни, и вскоре из амуничника донеслись шорохи и грохот переставляемых вещей.

– Как здорово, что мы вместе! – Марик прижался ноздрями к решётке, отделявшей его от Кая.

– Да... А тут ничего, – выдохнул тот, озираясь по сторонам. – Я, честно говоря, опасался, что останусь в той дыре в одиночестве.

– Ты тоже побывал в пасти машины?

– Ага! Люди называют их коневозами. В этих штуках лошадей перевозят из конюшни в конюшню. Я много раз уже ездил. Совсем не страшные! Даже интересно бывает. Жалко только, что окон не было. Люблю в окно смотреть, как деревья мелькают. Будто скачешь сам, быстро-быстро!

Марик смутился и решил в следующий раз быть таким же храбрым, как Кай. Внезапно он вспомнил, что не ел с самого утра, и жадно набросился на морковь с сеном.

– А кормят тут ничего... вкусненько, – пробубнил он с полным ртом, пытаясь подхватить губами высыпавшиеся кусочки моркови.

– Угхм, – кивнул Кай, чей рот был набит так сильно, что сказать что-то членораздельное он не мог.

Глава 8, в которой Марик знакомится с другими лошадьми, боится пакета и пробирается ночью в амуничник

Солнечный луч проскользнул через открытое окно конюшни, лизнул решётку денника, пробежал по стене и заплясал на носу спящего жеребёнка, подкрадываясь к мерно раздувающимся бархатным ноздрям. Марик чихнул и открыл глаза. Лучик метнулся в сторону, и в его ярком свете заискрились мелкие пылинки.

Марик оглядывался, пытаясь сообразить, где он находится. Наконец, воспоминание о переезде прорвалось сквозь лохмотья сна, и жеребёнок, отряхнувшись, встал.

Справа мирно посапывал Кай. Марик тихонько постучал ногой по стене, чтобы разбудить друга, но тот лишь что-то невнятно пропыхтел во сне и засопел ещё глубже. Марик пошебуришил носом остатки вечернего сена, полизал соль и уже подумывал, не поспать ли ему ещё, как раздалось восхитительное гроыхание ведер, предвещающее завтрак. Кай сладко зевнул, потянулся и медленно поднялся на ноги.

После обильного завтрака жеребят отвели в леваду, где уже находились мрачного вида Тунгус и несколько незнакомых лошадей, стоящих от него поодаль. Лошади, сблизив головы, о чём-то оживлённо перешёптывались, периодически косясь на Тунгуса, а тот смотрел вдаль, будто не замечая никого из них.

Друзья остановились у входа, не смея приблизиться к незнакомцам. Да и к Тунгусу лучше было не подходить, пока он не отгадает. От группы лошадей отделился невысокий, но очень круглый гнедой конь и со злобным выражением лица швырнулся на Марика. Тот изумлённо отскочил в сторону, опустив голову и, на всякий случай, почавкав ртом.

– Это наша территория! Вы чужаки, и вам здесь нечего делать!

Крупный серебристый конь с длинной волнистой гривой поднял голову, пристально посмотрел на жеребят, но ничего не сказал.

Марик отошёл ближе к ограде и застыл, прижавшись к Каю. Радостное настроение после такого приёма начало стремительно убывать.

– Будете стоять тут, пока я не разрешу вам из угла выйти! – гнедой клал зубами всего в миллиметре от носа жеребёнка.

– Тише, Заяц! Теперь я здесь главный! По-моему, я вам это сегодня уже доказывал. Они – со мной!

Марик изумлённо завертел головой, не веря своим ушам. Тунгус! Вот это да! Жеребята просияли. Заяц злобно швырнулся на них ещё раз, мотнул головой и отошёл к деревьям, где принялся яростно терзать ветви зубами.

– Хо-хо-хо, – Кай пробежал по леваде, высоко подняв хвост, с таким видом, будто бы это он, а не Тунгус доказал чужому табуну своё превосходство. Марик порысил за ним – ему не хотелось торчать у ворот в одиночестве. У дальнего конца левады (а она была просто огромной по сравнению со старой) жеребята остановились.

– Похоже, мы не очень понравились Зайцу, – вздохнул Марик.

– Да какая разница! У нас есть Тунгус! Он теперь всегда будет нас защищать! Смотри, я покажу! – и Кай помчался, заложив уши, прямо на Зайца. Марик нерешительно помялся на месте и тоже последовал за ним, приняв хитрую позу – с заложенными ушами, но опущенной головой.

Добежав до Зайца, Кай сделал выпад в его сторону, клал зубами. Заяц взвизгнул, развернулся и ударил Кая копытами в грудь. Между ними моментально возник Тунгус, шёлкнул зубами на Зайца и сразу же, развернувшись, преобольно укусил Кая за шею.

– Порядок в табуне! – прорычал он, сверкнув глазами.

Кай, охая, поплёлся обратно. Марик сдавленно фыркнул, боясь смехом обидеть друга.

– Ничего, – бормотал Кай, – не на того напали! Я найду способ добраться до Зайца...

– Зачем тебе это? – удивился Марик. – Наверняка мы скоро привыкнем друг к другу, может, даже подружимся, и нас примут в табун...

– Не нравится он мне! Не нравит-ся! Ясно? Видел, как он на нас смотрел?! «Будете стоять в углу», – Кай препротивным голосом передразнил Зайца. – Это мы ещё посмотрим...

Толкая перед собой полную душистого сена тачку, в леваду вошёл конюх. Кони оживились, ожидая, пока он раскидает сено на шесть равных кучек, по количеству гуляющих лошадей.

Пока Марик пытался сосчитать кучки, лошади времени не теряли, поэтому не прошло и минуты, как свободной осталась только одна – самая дальняя, к которой можно было дойти, лишь миновав всех лошадей, в том числе и Зайца! Единственная надежда – Кай – тоже стоял по ту сторону Зайца.

Чуть дыша, Марик аккуратно крался вдоль забора, стараясь оставаться в его тени. Едва он поравнялся с Зайцем, как тот поднял голову от сена и посмотрел на жеребенка. Да так, что Марику пришлось отбежать к воротам, и побыстрее! Остановившись, он вздохнул, так как очень не любил оставаться без обеда.

– Боишься, малыш? Иди сюда, – высокий рыжий конь с немного печальными глазами чуть отодвинулся от сена, вежливо приглашая жеребенка.

Марик кивнул, опустил голову и подошёл. Он старался есть не спеша и очень аккуратно, чтобы не обидеть доброго незнакомца.

– Меня зовут Эклер, – представился конь. Голос его был мягкий, шелестящий, успокаивающий. – Ты не обращай внимания на Зайца. Он поначалу всегда хорохорится, но на самом деле – добряк. Ну и Манёвр (тут Эклер кивнул на серебристого коня) с Тунгусом не дадут ему сильно вас задирать. Вы, главное, сами к нему не приставайте.

Марик неопределённо кивнул.

– Что ж, не буду тебе портить аппетит нравоучениями, – Эклер мягко улыбнулся и неспешно направился к дальней кучке сена, оставив Марика обедать одного.

Устроившись в скудной тени ещё не зазеленевших деревьев, жеребята делились своими впечатлениями о происходящем. Марику удалось уговорить Кая подождать и какое-то время не подходить к Зайцу. Друзья обсудили доброго Эклера, поспорили, кто главнее, – Тунгус или Манёвр... сошлись на том, что главные оба, но Тунгус немножко главнее.

Марик уже собрался было вздремнуть, когда в ворота вошла Зануда. Быстро отогнав от себя любопытствующих коней (Марик ликовал, когда досталось и Зайцу), она позвала жеребенка. Почесав и погладив Марика, Зануда увела его в конюшню, где принялась усиленно чистить, вздымая облака линялой шерсти. От линьки у жеребенка чесалось всё, и он с удовольствием подставлял бока под скребницу.

Подошли Кормилец с Тунгусом и ещё какой-то человек с незнакомой толстой лошастью. Быстро поседлав коней, люди вывели их из конюшни. Зануда с Мариком последовали за ними. Выйдя за ворота, жеребёнок увидел, что люди уже сидят верхом. Кормилец махнул рукой в сторону темневшего вдалеке леса, и вся компания неспешно направилась к нему.

Жмурясь от яркого весеннего солнца, Марик оглядывался по сторонам, впитывая в себя новые ощущения. Просторные поля с серо-жёлтой поникшей прошлогодней травой тянулись до горизонта, перемежаясь прозрачными берёзовыми рощицами. Кое-где мелькали молодые сосенки, протягивая к ярко-синему небу длинные зелёные иглы. Нежная молодая травка робко тянулась к солнцу.

Миновав поле, лошади зашли в лес. Он был совсем другим, не похожим на тот, в котором вырос жеребёнок, – седой, сумрачный, хранивший древние тайны. Этот лес был молодым, прозрачным, весёлым, будто сам был жеребёнком. Громко пели птицы, порхали на цветках мать-и-мачехи первые бабочки, деловито сновали муравьи. Хозяином этого леса, наверное, был молодой и весёлый лесовичок – румяный, смешливый, с венком из незабудок на голове.

Внезапно лес кончился, и за ним снова открылись поля. Лошади двинулись рысью. Марик ринулся было за ними, но Зануда возмутилась, развернула его, и какое-то время жеребенку

пришлось топтать задом наперёд. После этого ей захотелось, чтобы он поворачивал, и не абы как, а пра-виль-но!

И Марику пришлось полностью сосредоточиться на том, чтобы справляться с заданиями. Впрочем, ему это даже нравилось.

Чуть высунув язык от напряжения, Марик старательно переступал задними ногами вокруг передних, а потом передними вокруг задних. Важно было переступить так, чтобы переступающие ноги скрещивались, а стоящие – оставались на месте. Какие уж тут кони! Марик и не заметил, что Тунгус с незнакомой лошастью скрылись с глаз, и они остались с Занудой вдвоём.

Пощипывая низкую весеннюю травку, жеребёнок неспешно двигался за Занудой к большому оврагу, разделявшему два поля и поросшему по краям какими-то немощными скрюченными деревцами. Чем ближе они подходили, тем сильнее Марика охватывало беспокойство. Зануда тоже притихла, но продолжала идти вперёд. Откуда-то налетел ветер, бросил в лицо горсть прошлогодних листьев, затрепетал в скудных кронах.

Марику вдруг стало страшно, он присел на задние ноги, задрал голову и натянул верёвку. Ни одна лошадь по своей воле не пошла бы дальше! Ни одно здравомыслящее существо! Кроме, конечно же, человека. Зануда, видимо, хоть и ощущала беспокойство, но не понимала, что причина его скрывается там, внизу. Погоняв Марика вокруг себя, она умудрилась подвести его к самому краю оврага.

Жеребёнок глянул вниз и, забыв обо всех Занудиных уроках, рванулся назад: на дне оврага шевелилось что-то чёрное, липкое, ужасающее!

Пробежав по инерции несколько метров за жеребёнком, Зануда снова принялась гонять его кругами, подводя всё ближе к оврагу. Ветер налетел с новой силой. Деревья застонали, пригибаясь к земле, цепляясь за неё исковерканными обнажёнными корнями.

Зацепившись за хилую ветку, на ветру трепыхался рваный пакет, а на нём... висел конеед! Он не пытался никого напугать, не излучал обычного ужаса, – лишь старался удержаться на своей неверной опоре.

Сам не понимая, зачем он это делает, Марик прыгнул в сторону и ударом копыта сломал ветку. Ветер ликующе подхватил её, надув пакет, как парус, и отбросил в поле. Марик рванулся туда же, увлекая за собой отчаянно сопротивлявшуюся Зануду, но затем, тяжело дыша, застыл.

– Так ты пакетика испугался? – рассмеялась Зануда.

Марик горестно вздохнул и поднял глаза к небу.

Зануда, улыбаясь, схватила ветку с пакетом и махнула ею в сторону. На какое-то мгновение жеребёнку показалось, что конеед сорвётся, упадёт, и тогда, наигравшись в пугалки, Зануда успокоится.

Конеед, однако, не сорвался, а ухватился за пакет пуще прежнего и тихо зашипел. Марик прынул назад, взвился на дыбы и рванул в сторону. Зануда, не выпуская верёвки и палки с пакетом, дёрнулась за ним. Дальше всё смешалось в какой-то невероятной кутерьме: Марик прыгал, стараясь держаться подальше от пакета, Зануда размахивала им, пытаясь сохранить безучастный вид, а конеед измученно постанывал.

Марик попытался остановиться и побороть страх, но конеед, пусть и вымотанный борьбой, исчезать отказался. Зануда тоже, кажется, умаялась, перестала занудствовать и закинула палку с пакетом себе за плечо. Марик готов был даже посочувствовать ей, если бы не конеед, бессильно болтавшийся у неё за спиной.

Жеребёнок впервые в жизни находился рядом с конеедом так долго, непрерывно испытывая всю тяжесть накатывавших волн ужаса. Больше всего на свете ему хотелось вырваться и скакать, скакать, не разбирая дороги, прочь от этого леденящего страха. Но где-то в глубине души Марик понимал, что это не выход.

– Ты с-спас-с-с меня, спас-с... с-с-спас-с-сибо...

Марик завертел головой, пытаясь сообразить, откуда шёл голос. Конеед слабо шевельнулся на пакете и повторил:

– С-с-спас-с-сибо...

Жеребёнок даже подпрыгнул от неожиданности: ему и в голову не приходило, что конееды умеют разговаривать!

– Спас? От чего? – тут Марик вспомнил об ужасе со дна оврага и мотнул головой, показывая, что ответа не требуется.

– Я рас-с-скажу. Но пос-с-сже, – обессиленно прошелестел конеед, сливаясь с пакетом.

В Марике шевельнулась жалость, несмотря на то, что конеедов он всегда недолюбливал.

Жеребёнок размышлял о том, как бы ему помочь, изредка косясь на трепыхавшийся на палке пакетик. Решение пришло довольно быстро. Раз конееды питаются страхами, то, наверное, нужно испугаться. Но не так сильно, как в первый раз, конечно. Видимо, конеед был таким слабым, что не смог переварить большое количество пищи!

Но стоило Марику решить, что он сейчас немного испугается, как страх пропал совершенно! Можно было бы притвориться испуганным, но ведь это совсем не то! Жеребёнок перебирал в памяти самые страшные события, происходившие с ним: тёмный ночной лес, сидевшего на ветке конееда, конюха, гнавшегося за ними с Каем, когда они учинили разгром в кормовой...

Марик настолько увлёкся воспоминаниями, что совсем не смотрел под ноги. Когда под копытом хрустнула сухая ветка, он вздрогнул от неожиданности и отскочил в сторону. Конеед слабо затрепыхался, поглощая ничтожное количество страха. Марик воспрял. По пути домой он подкормил конееда страхом от большого синего трактора и волнением от стада равнодушных овец во главе с неприятно пахнущим бараном. Жеребёнок надеялся, что, наевшись, конеед отцепится от пакета. Однако тот, потихоньку обретая довольный вид, продолжал покачиваться над Занудиным плечом.

Дойдя до конюшни, Зануда отвела Марика в леваду. Жеребёнок тут же бросился к Каю – ему не терпелось поделиться новостями. Устроившись в любимейшем им месте, скрытом зеленеющими, обглоданными снизу ветвями ивы, жеребята обсуждали конееда. Кай был в восторге от того, что у них появился собственный настоящий конеед!

– Он же всю конюшню с ума сведёт! А когда узнают, что это я его сюда притащил, меня точно выгонят! – Марик уныло дёрнул зубами гибкую веточку.

– Зато подумай, какое будет развлечение! Все бегают, носятся, сшибают вёдра и конюхов! – Кай даже приплясывал от восторга. – Как жалко, что этот подвиг ты совершил без меня!

Марик вздохнул. Перспективы, обрисованные Каем, были, конечно, радужными, но маловероятными. Он побрёл по леваде, тихо ступая по нагретой солнцем земле. Если его выгонят, куда он пойдёт? Может, надо было оставить конееда там, отчаянно цеплявшимся за рвущийся на ветру пакет? Марик содрогнулся, вспоминая холодный ужас, притаившийся на дне оврага. Нет, он бы так точно не смог!

Весь в раздумьях, он подошёл к краю левады и остановился около маленького мутного прудика. Из воды на него посмотрел худенький взерошенный жеребёнок с отливающей медью шкуркой и чёрной спутанной гривой. Марик снова вздохнул и побрёл прочь.

Вечером, заходя в конюшню вместе с конюхом, друзья специально замедлили шаги, чтобы заглянуть в амуничник. Там, среди стопок попон, мотков верёвок и ящичков с щётками, висел Занудин хлыстик. Хлыстик как хлыстик, если бы не привязанный к нему пакет и не конеед, тихо посапывающий на этом самом пакете.

Марик вздрогнул и отскочил. Конеед сладко потянулся, заурчал и снова засопел.

На сердце было тяжело. Нехотя перебирая губами сытный ужин, жеребёнок пытался сообразить, что же ему делать с конеедом. Пройдёт день-два, и все лошади узнают о том, кого Зануда по вине Марика притащила в конюшню. Он опасливо покосился на соседку Мышку, но та, судя по всему, пока ничего не заподозрила.

– Бдзынь! – Кай подал условный знак, слегка прикусив железную решётку. Марик снова бросил взгляд на Мышку (та уже покончила с ужином и приступила к сено) и с самым незаинтересованным видом подошёл к стене, разделявшей жеребятчи денники. Делая вид, что выбирает из сена травинки повкуснее, он направил уши в сторону друга. Тот быстро прошептал:

– Мы подождём, пока все уснут. Потом выберемся из денников, прокрадёмся в амуничник, достанем пакет и выпустим конееда на свободу!

– А как мы откроем конюшню? Её закрывают на ночь на замок... – мрачно ответил Марик.

– Окна! – воскликнул Кай, задумавшись на мгновение.

Да, сейчас тепло, и все окна открыты настежь! Если ухитриться выбросить туда злосчастный пакет, все горести останутся позади! Марик просиял и с удвоенным усердием принялся за сено.

На землю мягко опускались сумерки. В окно ворвался лёгкий ветерок, разносящий с собой повсюду пряные запахи весны. У жеребенка слипались глаза, но он старательно боролся со сном, выбирая самые неудобные позы.

Над облаками поднялась полная луна, заглянула в окно конюшни, словно проверяя, спят ли лошади. Марик на всякий случай крепко зажмурил глаза. Луна поверила и поднялась ещё выше, заливая землю сказочным серебристым светом, сделав тени глубже и мрачнее.

– Пора!

Марик открыл глаза и увидел, как встаёт Кай. В гриве и хвосте у него запутались стружки. Марик аккуратно поднялся, стараясь не шуметь.

Кай принялся раскачивать дверь, прерываясь каждый раз, как слышался какой-то звук. Спустя несколько минут задвижка поддалась, и он аккуратно вышел в проход конюшни. Снаружи открыть дверь денника Марика не составляло труда. Почти не дыша, жеребята прокрались к амуничнику. Им повезло – дверь была приоткрыта, и они быстро проскочили внутрь тесной комнаты.

Света было мало – углы, где хранились попоны, совсем утонули во мраке.

– Он должен быть где-то здесь, – Кай внимательно обнюхивал висящие на стенке хлыстики. – Да! Вот!

Жеребята устали висеть на висящий в сторонке хлыст с пакетом, на котором сладко сопел конеед. Храбрость стремительно убывала, идея с окном уже не казалась такой уж хорошей.

Аккуратно подцепив хлыст зубами, Марик сбросил его на пол. Конеед встрепенулся и зашипел. Жеребята в страхе отступили в тёмный угол, уткнувшись задами в попоны.

– Приш-ш-ш-шёл избавиться от меня?

– Нет! То есть да, – смущённо пролепетал Марик. – Меня выгонят, когда узнают, что я тебя спас.

– Спас-с-с, да-а-а. Я погиб бы в овраге.

– А что там? – любопытный Кай придвинулся ближе к конееду.

– С-с-страх! Ужас-с, з-злота, завис-с-сть, ненавис-с-сть! Люди, испытывая с-с-сильные чувства, выпускают их на волю. Все они с-с-скапливаются в болотах, оврагах, пещерах... Бурлят там, кипят, губят вс-с-сё живое вокруг! Этими чувствами питаться-с-ся нельзя. Приблизись-с-ся к ним – не останется в тебе ни радос-с-сти, ни любви, ни с-с-счастья. Конееды поглощают только с-с-страх, не дают ему утекать в такие мес-ста.

– Но вы же сами страх и вызываете! Если бы не было конеедов, мы бы вообще ничего не боялись!

– Боялис-с-сь бы... Невозможно жить без с-с-страха. Важно лишь то, что его можно побороть, не выпустить наружу. Как и остальное...

– Значит, вы не даёте страхам выбираться наружу? Учите нас побеждать их и, если не получается, просто поглощаете те, что выбрались?

Конеед кивнул.

– А люди? Их страхи вы тоже едите?

– Лю-юди-и, – конеед, кажется, хотел рассмеяться, но его смех зазвучал, как кашель. – Нет, их с-с-страхи есть нельзя. Они сильные, мощные, но не чис-стые. Люди редко боятс-с-я по-настоящему. Их с-с-страхи надуманные.

Марик ничего не понял из этого объяснения. Правда, когда речь заходила о людях, ему редко удавалось что-то понять, не нажив себе головной боли.

– А радость? Её тоже кто-то ест? – жеребёнок изо всех сил пытался не бояться, хотя мороз пробирал его до костей, едва он представлял себе бурлящий чернотой овраг.

– Нет, – конеед изобразил какое-то подобие ухмылки. – Зачем её поглощать и прятать? Чем больше радос-с-сти сможешь выпустить в мир, тем лучше. Она совсем другая – лёгкая и невесомая. С-с-стелется над полями, поднимается на горные пики, резвится в вершинах сосен, играет в морской пене. Её больше, чем ненависти и злости.

Конеед умолк, задумчиво уставившись в потолок.

– Ты уйдёшь? – Марик почесал нос.

– Не сейчас. Я слаб, этот овраг едва не выпил из меня все с-с-силы...

– Но... другие лошади...

– Они не увидят. Только вы двое. И тот, кому вы про меня расскажете.

Марик с сомнением оглянулся на Кая. Тот кивнул. В комнату прокрался серый вязкий рассвет, смыв густые чёрные тени. Марик поднял зубами хлыст и аккуратно положил его на стопку попон – конееду на них наверняка будет мягче.

Жеребята едва успели юркнуть в денники, как по конюшне разнеслось громыханье вёдер. Завтрак!

– Ну и помятый у вас вид, ребята! – удивился конюх, насыпая в кормушки овёс. – Будто ночь не спали!

Он взялся за дверь денника и обмер, увидев задвижку.

– Вот я растяпа! Двери не закрыл!

Глава 9, в которой Марик погружается в воду, беседует с водяным и любит закатом

Конеед сдержал своё слово. Никто, кроме Кая и Марика, о нём не узнал. Как ему удалось оставаться невидимым для остальных лошадей, жеребятам было непонятно, но зато уж им-то доставалось сполна!

Конеед возникал внезапно в самых неподходящих местах. С завыванием выпрыгивал из кипы сена во время обеда, обрушивался на спину с веток во время послеобеденного сна, плескался в бочке с водой! Жеребята пугались, раздували ноздри, храпели и прядали ушами. Они вздрагивали при малейшем шорохе ветра или скрипе ветки на ветру.

На конюшню обрушилась невероятная жара. Воздух тяжёлым маревом наваливался на землю. Оглушительно стрекотали кузнечики и квакали лягушки – казалось, это были единственные существа, которые сохранили способность издавать звуки, несмотря на палящие лучи

солнца. Пыльная трава, вялая листва, даже безразличные камни – и те молили небо о дожде, но на ярко-синем куполе не было заметно ни облачка.

Утомлённые потные лошади замерли в леваде. Тунгус укрылся в сомнительной тени обглоданных ив. Неподалёку от него Манёвр лениво оглядывал табун сквозь ресницы. Заяц с Эклером тоскливо посматривали на небо, словно надеясь увидеть вместо режущего глаза солнца свинцовую грозовую тучу. Кай распластался в пыли, закрыв глаза. Его чёрная шерсть выгорела до красновато-бурого цвета, и теперь он почти сливался с землёй. Блестящая шкурка Марика казалась ему душной и тесной, каждый слипшийся от пота волосок раздражал его, и жеребёнок втайне мечтал стать таким же лысым, как Зануда. Неподвижный воздух навевал на него дремоту, глаза закрывались сами собой.

Марик плавно подогнул передние ноги и опустил голову на пыльную землю рядом с Каем. Тот, нехотя приоткрыв глаз, лишь дёрнул ухом и ничего не сказал.

– Хлоп!

Прямо из-под земли, взбив душное облачко пыли, выпрыгнул Конеед. Жеребята резко вскочили и отпрянули в разные стороны. Лени как не бывало – сердца бешено колотились о рёбра, а мышцы вздрагивали от напряжения.

Кай недовольно чихнул:

– А нельзя появляться как-нибудь потише?

– Кушать хочетс-с-ся, – лоснящийся Конеед устраивался на обглоданной ветке над головами жеребят. – Вы так с-с-славно пугаетесь, так с-с-сильно.

Марик украдкой огляделся.

– Если будешь и дальше так выпрыгивать, остальные лошади решат, что мы сошли с ума.

Конеед, однако, пропустил это замечание мимо ушей. Сытый, довольно мурлыкая что-то себе под нос, он улёгся на ветке поудобнее и жизнерадостно осведомился:

– Жарко?

Вместо ответа Кай снова плюхнулся в пыль, а Марик поскрипел песком на зубах.

Конеед сочувственно поцокал языком, затем потянул носом, прищурился и медленно поднялся в звенящий от жары воздух.

– Люди ваши приехали. Видно, бегать придётся, – сочувственно предсказал он.

Кай, не поднимая головы, испустил жалобный стон.

– Если они заставят нас бегать по такой жаре, я лучше утоплюсь в болоте!

Марик бросил взгляд на заросший ряской прудик.

Лягушки, услышав слова Кая, прервали раскатистые трели и негодуя вытаращились на него.

Под палки, перегораживающие выход из левады, поднырнули Зануда с Кормильцем и Тихоней. Марик, краем глаза следя за другими людьми, направился к Зануде.

Кормилец пристёгивал к раскисшему от жары Тунгусу чомбур. Кай, едва перебирая ногами, поплёлся к хозяйке. Вдруг он резко дёрнулся, а на том месте, где секунду назад находились его передние ноги, возник хихикающий Конеед.

Кай возмущённо фыркнул, сделал шаг в сторону и с громким плеском обрушился в прудик. Лягушки в ужасе брызнули в стороны, а жеребёнок, путаясь в тине и оскальзываясь на илистом дне, вылез на берег. Всё его тело облепили изумрудные кружочки ряски, а в гриве и хвосте болтались серо-зелёные нити ослизлой тины.

Конеед покотился по земле, похрюкивая от хохота. Кай кинул на него уничижающий взгляд и тщательно отряхнулся, обдав всех грязными брызгами. В другой день купание Кая

наделало бы шуму в леваде, но разморённые жарой кони лишь лениво проводили его осоловевшими взглядами.

– Ну... по крайней мере, тебе уже не так жарко, – попытался поддержать друга Марик.

– Это точно, – к Каю постепенно возвращалось хорошее настроение. – Я единственный, кто не побоялся тут окунуться!

Он задрал хвост, раздул ноздри и пружинистой рысью побежал к Тихоне.

Следы маленьких жеребячьих копыт причудливо сплетались с рифлёнными отпечатками людских подошв в дорожной пыли.

– Интересно, куда нас ведут? – Марик вертел головой, но справа и слева дорогу окружали только высокие железные заборы.

– Куда бы мы ни шли, я предпочёл бы окунуться ещё разок, – пробубнил Кай. Он давно высох, и жара давила на него с прежней силой.

Жеребята с восхищением поглядели на невозмутимого Тунгуса – уж он-то на людях никак не выказывал, что страдает от пекла. Разве что ноздри трепетали чуть сильнее обычного.

Миновав посёлок, люди и лошади прошли сквозь светлую берёзовую рощицу, и Марик вдруг замер от неожиданности. Впереди, в уютном окружении песчаных холмов, поросших молодыми деревцами, поблёскивала ярко-синяя гладь маленького озера. Крутые берега с шелковистой травой отражались в воде. Жеребёнок восхищённо вздохнул.

Вокруг озера, ныряя в густое луговое разнотравье, вилась тропинка. Кормилец с Тунгусом направились по ней, и остальные потянулись следом. Тропинка, петляя, вбежала в рощицу и замерла у кустиков земляники. Присев, Зануда немедленно набрала горсть ягод и часть протянула Марику. Он с удовольствием лакомился этими крупными, душистыми, блестящими бусинками, и думал, что именно так пахнет лето – пылью и земляникой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.